

Читайте:

4 Презентации: Анна ХАРЛАНОВА
Михаил КОНЬШИН

6 Владимир БУЕВ:
«Из тягостного, из земного рождаются стихи»

10 История с географией:
Богимово: здесь Чехов творчески дышал

12 Валерий АНИШКИН:
Приём у губернатора

18 Галина КЛИМОВА:
«Каждый четверг в моём детстве был чистым...»

22 Владимир ЕРМАКОВ:
Заметки о нигилизме

26 Валерий ПРОТАСОВ:
Миниатюры жизни

28 Денис ВОЛИН:
Командировка на войну

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Никогда не поздно обращаться к прописным истинам. И учиться тому, что оставили нам в наследство известные классики. Давайте вспомним некоторые постулаты. И постараемся им следовать.

Франсуа Вольтер, французский философ XVIII века: Честь — это бриллиант на руке добродетели. *Он же:* Честного человека можно подвергнуть преследованию, но не обесчестить.

Бенджамин Франклин, американский философ, один из основателей США: Настоящая честь — это решение делать при всех обстоятельствах то, что полезно большинству людей.

Уильям Шекспир, английский поэт и драматург: Честь девушки — всё её богатство, оно дороже всякого наследства.

Он же утверждал: Моя честь — это моя жизнь; обе растут из одного корня. Отнимите у меня честь — и моей жизни придёт конец.

Публий Сир, римский поэт эпохи Цезаря и Августа: Лишать чести другого — значит лишаться своей. *А ещё он наставлял:* Лишать чести другого — значит лишаться своей.

Марк Туллий Цицерон, древнеримский философ: Где найдёшь того, кто честь друга ставил бы выше своей?

Виссарион Белинский, критик, историк: Честь есть краеугольный камень человеческой мудрости.

Фёдор Достоевский, всемирно известный русский писатель: Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства.

У бессмертного классика есть и такое выражение: Безмерное самолюбие и самомнение не есть признак чувства собственного достоинства.

Артур Шопенгауэр, немецкий философ: Честь — это внешняя совесть, а совесть — это внутренняя честь.

Иоанн Златоуст, богослов, просветитель: Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славой от высших.

№66' март 2026
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:
РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02
Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА
Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.03.2026 г. Выход в свет: с 01.03.2026 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №66-НО+ Цена свободная
Фото из открытых источников

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

ПИНГВИНЫ, АЙСБЕРГИ И ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

В морозный зимний день в Орловской детской библиотеке имени М.М. Пришвина выступила липецкий поэт и прозаик, организатор Всероссийского фестиваля «ЛевитовФест» Анна Харланова, которая рассказала ученикам 6 "в" класса лицея № 4 (учитель Морозова Ирина Владимировна) о своих многочисленных путешествиях, различиях между Арктикой и Антарктидой, о том, как пингвины узнают друг друга, а также ответила на вопросы любознательных юных слушателей и «похвасталась» дипломом покорителя пролива Дрейка.

Гостя приехала в Пришвинку из Липецка и привезла не только книги, но и привет от липецкой Пришвинки, в которой она ведёт занятия детской литературной студии «Скворцы».

Что дети узнали во время встречи:

- кто такие гляциологи и как они связаны с кофе глясе?
- чем «средний Дрейк» отличается от «большого Дрейка»?
- как пахнут пингвины?
- где растут веники?
- почему «Добрые рассказы» Анны Харлановой так называются?
- как двойка за сочинение о проведённом лете может стать началом писательского пути?

Завершилась встреча бурным обсуждением вопросов «Антарктического квиза» от нашей гостьи.

Остаётся добавить, что замечательная встреча состоялась благодаря генеральному директору Академии изящной словесности «Орля» Н.М. Елизаровой.

Сказка - ложь, да в ней намёк...

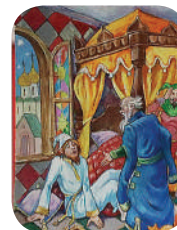
*«Эта сказка непроста,
В ней есть свежие места,
Непричёсанные мысли,
Всяким прочим не чета»*

Писатель и журналист Михаил Коньшин в библиотеке имени А.С. Пушкина презентовал свою новую книгу «Сказку про потешного царя и петушка из мешка»

В Пушкинке состоялась встреча с писателем-сказочником, журналистом и просто хорошим человеком Михаилом Ивановичем Коньшиным. Говорили о его новой книге, которая вышла полгода назад.

«Сказка про потешного царя и петушка из мешка» – книга весёлая и поучительная, сродни классическим сказки о гордых красавицах, загадочных кудесниках из леса, бестолковых царевичах, волшебных существах. Однако многие места в сказке ненавязчиво отсылают к современности, заставляя то усмехаться, то вздыхать. Кому-то история М.И. Коньшина напомнила сказки А. Пушкина, а кто-то увидел в ней параллели с пьесой Л. Филатова.

На встрече присутствовали редактор книги В. Анишкин, иллюстратор А. Турбин и первые читатели-коллеги: Г. Майоров, В. Новошинская, Н. Елизарова. Каждый из них с теплотой отозвался о сказке и посоветовал участвовавшим в презентации ребятам из школ № 23 и № 2 обязательно её прочитать, а ещё попробовать самим посочинять.

Наталия ЕЛИЗАРОВА:

«Из тягостного, из земного рождаются стихи»

Материал опубликован на инфопортале "Ревизора.ru" 23.01.2026

Автор: Владимир Бувев

Все фото из личного архива поэта

Наталия Елизарова родилась в Кашире Московской области. Окончила юридический факультет МосАП, Литературный институт имени А.М. Горького, магистратуру МГПУ, в настоящее время – аспирант ИГН МГПУ. Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, ПЕН-центра. Автор поэтических сборников: «Как сказать о любви?» (2002 г., Москва), «Осколок сна» (2006, Москва), «Черта» (2014, Смедерево, Сербия), «Страна бумажных человечков» (2019, Москва, «Арт Хаус медиа»), «Ледяная тетрадь» (2025, Орёл, «3-е ИЮЛЯ»); книга для детей: «Мой ангел» (2015, Иркутск) и «Я видел» (2021, Орёл, «3-е ИЮЛЯ»), книги прозы «Озеро» (2023, Орёл, «3-е ИЮЛЯ») и публикаций в периодике. Стихи переведены на двенадцать языков. Живёт в Москве.

– Наталия, пусть не покажется странным такой вопрос, но кем вы себя больше считаете: поэтом, филологом или педагогом? Мешает ли какая-то из ваших ипостасей другой? Или вы хотите рассказать про триединство?

– Владимир, мне этот вопрос странным не кажется, поскольку долгие годы меня спрашивали, как я сочетаю поэзию и юриспруденцию. По первому образованию я юрист и отдала этой сфере деятельности 20 лет. Здесь стоит вспомнить, какое количество русских и зарубежных писателей обучалось на юридическом факультете, работало в судебной палате и т.д. Что касается филологии, то она и означает «любовь к слову», эта чудесная наука объединяет любовь к языку и литературному творчеству, то есть в ней всё совершенно органично и гармонично сочетается. Без языка не может быть стихов и прозы, не может быть книг. А тем, что я знаю и умею, стараюсь делиться с учениками, юными и взрослыми. И лучшим результатом считаю поступление моих учеников в ведущие вузы Москвы (МГУ, МГТУ имени Н.Э. Баумана, РЭУ имени Г.В. Плеханова, РГГУ и т.д.), творческий рост, публикации в журналах и победы в литературных конкурсах. Преподавание в любой сфере – это передача опыта, возможность помочь, а также возвращение «долга» своим учителям, и тоже в своём роде творчество.

Что касается того, что «мешает»: когда я занималась правом, в художественную прозу порой внедрялся официально-деловой стиль; когда стала писать статьи – интегрируется научный. Вопрос переключения регистров: порой нелегко это сделать быстро, увлекаешься.

– Сведу через запятую в однородный ряд разноплановые темы вашего поэтического/лирического мира: «любовь» «образы природы», «переживание времени и быстротечности жизни», «одиночество и поиск счастья», «принятие обстоятельств», «жизнь обычного человека». Можно ли сказать, что это полный перечень основных тем, несмотря на его ус-

ловность? Если не полный, дополните. И вообще, так ли это с вашей точки зрения? Может, назвав какую-то тему, я погорячился? Если всё так, то какая из них являлась для вас ключевой на разных этапах вашей творческой жизни. А какая тема сейчас? Почему?

– Мне кажется очень хорошей тема, что вы назвали в конце – жизнь обычного человека. Такого, который проживает полно каждый день своей уникальной, удивительной жизни. Смотрит на мир с изумлением, не устаёт восхищаться им, замечает детали. Отсюда уже и природа, и любовь, и быстротечность. Не помню, чтобы у меня было про поиск счастья, скорее – про его недостижимость, потому что счастье – миг, его иногда и осознать не успеваешь, а как-то задержать, зафиксировать тем более невозможно.

В литературной среде я слышала такую историю, будто пришедшему к нему молодому поэту мэтр сказал следующую фразу: «Хорошо бы у вас кто-нибудь умер». Ему-то было уже доподлинно известно, что лучшие стихи пишутся при внутреннем волнении, сильных переживаниях, связанных с утратами и потерями. Самое давнее стихотворение цикла «Ледяная тетрадь» – «Летящий снег успеть заморозить...» – именно такого генезиса. И много других стихотворений, в этот цикл не вошедших. Такое вот «переживание времени» и «принятие обстоятельств».

– Великая поэтесса когда-то написала: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как жёлтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда...» Из какого «сора» растут ваши стихи? Как возникают первые строки и как потом появляется стихотворение, которое вы сами оцениваете как цельное, законченное?

– В юности это случалось довольно легко, как-то само собой. В тот период, когда за месяц исписываешь стихами тетрадь. Это потом уже обучаешься саморедактуре, понимаешь с опытом, что стихи требуют работы над собой. А когда только начинаешь складывать слова в

строчки, это удивительно и радостно, это, пожалуй, в каком-то смысле игра. В стихотворении «Умба» у меня есть строки «Из тягостного, из земного рождаются стихи». Несмотря на то, что написано оно более десяти лет назад, я остановился на этом определении. Это некое изменённое состояние сознания, когда слышишь в воздухе какой-то звук, улавливаешь импульс, появляется строчка, другая нанизывается на неё, и так плетутся нити строф. Психологи бы отметили, что это сублимация: перенаправление энергии в продуктивное русло. Но если можно трансформировать боль в творчество, отчего же отказывать себе в подобной терапии?

– Возникает ли с течением времени переоценка какого-то собственного стихотворения? Допустим, вы посчитали, когда оно родилось: вау, вот какое удачное, прямо шедевр! А потом оценка меняется на «суп с котом» (простите за банальную шутку). Часто ли вы по прошествии недель, месяцев или даже лет какие-то из своих стихов переделываете, улучшаете?

– Я, знаете, редко вскрикиваю «Ай да Пушкин!», чаще я недовольна собственными текстами. Невозможно, например, написать текст на заданную тему, от этого беда всех тех, кто хочет уложиться в актуальную повестку. То, что ты не прожил внутри себя, тебе никогда не выдать за правду. Иногда, когда я выступаю на мероприятии, судорожно листаю сборник и думаю, что читать совсем нечего. Ну, вот разве что одно или два «приличных» текста. Переделываю стихи я редко спустя месяцы и годы. Иногда разве что черновик найду, «потерянный» текст, если посчитаю жизнеспособным – могу доработать. Но мне комфортнее переделывать стихотворение сразу, в ближайшие дни, потом интерес пропадает. Также и с прозой, оттого я не романист, у меня «короткое дыхание».

– На ваши стихи есть множество рецензий и отзывов как профессиональных критиков, так и просто читателей и доброжелателей. Они в целом или даже однозначно положительные. Задавая сейчас вопросы, хотелось бы опираться на те тезисы, которые уже курсируют во всемирной паутине применительно к вашему поэтическому творчеству. Как вы вообще относитесь к комплиментарной критике? А как к некомплиментарной?

– Знаете, с критикой очень сложно всё. У нас мало профессиональных критиков, скорее, есть люди, пишущие критические статьи параллельно с массой других занятий. Я сама написала несколько таких статей и могу сказать, что делала это исключительно с симпатией к текстам и желанием поддержать авторов. Отрицательный отзыв – это ведь не всегда про того, о ком пишут, а очень часто – о том, кто это делает. Мне кажется, что «ругать-хвалить» – это слишком примитивная

схема, особенно для поэзии. Литературоведение существует для анализа художественных текстов, попытки проникнуть в замысел автора и поиска сверхсмыслов, которые автор, сам не зная, туда вложил.

Конечно, я очень трепетно отношусь к оценке «старших товарищей», значимых для меня поэтов. К негативным отзывам отношусь спокойно: если кому-то не понравилось, кто-то что-то не понял – возможно, я просто не его автор. Я ведь и много смешного о себе читала, а уж слышала сколько – не передать. Например, в юности было у меня стихотворение – разговор утюга и гладильной доски, совершенно дурное, конечно, так где-то в комментариях к нему развилась целая дискуссия на тему отношений мужчин и женщин, люди всерьёз обсуждали «подтекст».

– Один из критиков высказался о ваших стихах, что они «настолько искренни и точны, что выдерживают любую «прозаическую нагрузку», оставаясь стихами». Вы согласны с этим мнением или хочется подискутировать? Действительно ли в вашей поэзии, с вашей точки зрения, много прозаичности?

– Мне как литературоведу сложно анализировать собственные тексты, поэтому дискутировать не хочется. Ещё и потому, что я априори благодарна людям, изучающим мои стихи. Это удивительно и замечательно, что ты, живущий ныне автор, смог заинтересовать исследователя. Мне бы хотелось, наверное, чтобы в моих текстах было больше воздуха и звука, но, как уже говорила выше, «из тягостного, из земного». Я абсолютно уверена в одном: я не напишу ничьих чужих стихов, и моих никто другой не напишет, так что остаётся работать так, как даётся.

– Вот ещё тезисы из критики: ваш поэтический мир «положительный, или, как теперь говорят, позитивный»; ваши достоинства — «поэтичность, образность, музыкальность»; вы можете «говорить просто о сложном, ничего не упрощая и бесстрашно принимая действительность во всей её полноте»; вам «не надо прятаться в придуманные грёзы и романтические туманности»; ваша лирическая героиня «испытывает и наивный восторг, и чувство неприятия действительности, и смирение, и гордость»; ваши стихи – это «лирический дневник-исповедь», стихи «грустные, размышляющие, фотографирующие ускользающий момент бытия, полные самоиронии и любви к жизни», «все стихи интонационно окрашены, разнообразие размеров и ритмов делает книгу легкочитаемой». С чем из процитированного вы согласны, а с чем нет?

– Кирилл Владимирович Ковальджи, слова которого Вы приводите, был человек, щедрый на доброту. Он много занимался и дружил с молодыми авторами, поддерживал их

в начале творческого пути. Я очень благодарна ему за предисловие к книге, хотя вышла она уже тогда, когда Кирилл Владимировича не стало. Благодарю за отклик и моего старшего друга Геннадия Калашникова. И в общем-то всех, кто не прошёл мимо моих подборок и книг, истолковав их по-своему, приняв близко к сердцу или пропустив по касательной.

Но мои книги, конечно, вовсе не дневник-исповедь, во-первых, потому что у меня совершенно нет желания исповедоваться читателю, исповедь восходит к более высоким материям; и во-вторых, потому что лирические герои моих текстов порой абсолютно выдуманные люди, или герои имеют прототипов, но события с ними происходят совершенно иные. Что касается грёз, незадолго до своей смерти поэт Лена Жамбалова сказала, что читала мои стихи в сети, но боялась мне писать, потому что считала меня «гламурной». А потом, говорит, прочитала стихотворение про смерть («Про красивую смерть...»). Так что читатель порой выдумывает себе автора, как автор – лирических персонажей.

– Условной некомплементарностью в критике/отзывах можно назвать только этот тезис: «обращает на себя внимание излишнее пристрастие к объединению в рифмующейся паре открытой и закрытой рифмы: “косе – сень”, “встречались – санчасти”, “траве – круговерть”...» Согласны ли, что такое пристрастие излишне? И вообще: разве неточная рифма – это «грех»? Как думаете, почему на вашу поэзию нет некомплементарной критики? На большинство других поэтов, с кем я ранее делал интервью, в сети много некомплементарного...

– Владимир, мне кажется, что я не настолько популяризирую своё творчество, чтобы мною так уж сильно интересовались критики. И потом, я прекрасно отдаю себе отчёт, что я поэт не первого ряда. Поэтому и пишут обо мне редко, а если это люди знакомые, испытывающие ко мне симпатию, то комплементарно. Жизнь такая непростая, творческие люди настолько недолюбленные, недослушанные и недолащенные, что травить их лишний раз – это просто кошунство.

– Возвращаясь к вопросу о неточной рифме: это обычно вместе с глагольной – главная претензия к поэтам, такая формальная. Некоторые мэтры настаивают на употреблении только точной рифмы. Я же обычно говорю ученикам, что можно всё, даже розы рифмовать, главное – как это делать. Ведь случается, что примеры опровергают любые правила.

Вы пишете только или преимущественно силлаботоническим стихосложением. Но, кажется, у вас есть опыт написания верлибров. Во всемирной паутине я нашёл немного. В частности, стихотворение «Камень». Как вы относитесь к верлибрам? Почему любите только (или «в основном») рифму?

– Некоторые мысли в рифму не ложатся, тогда возникает верлибр или проза. Например, Всеволод Михайлович Гаршин в 1880 году написал известный свой рассказ «Attalea princers», но ранее, в 1876 году, он написал стихотворение «Пленница» с тем же самым сюжетом. Видимо, даже восьми строф автору не хватило, чтобы полностью высказаться, и он продолжил в прозе.

У меня есть несколько верлибров: «На рынке в Тарту...», «Вечерами приходит чёрная курица...» и др., но с рифмой мне работать интереснее, я не считаю, что

силлаботоника исчерпала себя. Многие поэты стремятся к верлибру ради лёгкости перевода произведений на другие языки, ведь в мире мало осталось переводчиков, работающих с рифмой. Поэтому я так признательна Вере Хорват – замечательному поэту из Сербии, которая перевела на сербский мою книгу «Черта».

– Этот вопрос я не первый раз задаю поэтам. Как вы понимаете есенинскую строку «Розу белую с чёрной жабой я хотел на земле повенчать»? Было ли у вас самой желание повенчать в своих стихах эти две сущности? Может быть, венчали? Если да, то можете процитировать одно из стихотворений, где, на ваш взгляд, такое венчание состоялось? Если таких «венчаний» было много, то процитируйте самое яркое...

– Здесь вспоминается уже упомянутый Гаршин – «Сказка о жабе и розе». Всё в нашей жизни перекликается: радость и горе, свет и тьма, красота и уродство, жизнь и смерть. И, разумеется, отражается в стихах. Мне кажется, я попыталась сказать об этом в стихотворении «На улице ста колодцев совсем темно...», хотя, может быть, и в других: «Вот так и вспомнится потом...», «А она лежит, и нога у неё бревно...», «Куркино».

– Согласны ли вы с тезисом поэта: «Но коль черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней»? В вашей душе когда-либо гнездились черти? Часто ли такое внутри вас происходит, если, конечно, происходит? Может быть, гнездились ангелы?

– Это как бы продолжение предыдущего вопроса. Говорят, что не бывает плохих людей, но бывают плохие поступки. Сюда же можно отнести плохие мысли, зависимости и другие человеческие пороки. Я живой человек и, разумеется, не идеальный. Я точно так же, как и другие люди, в течение жизни испытывала целый спектр различных эмоций: гнев, боль, обиду, ревность, зависть. Наверное, самое главное – понимать, что происходит в тебе, и понимать, откуда это берётся. Чаще всего за этим кроется что-то другое: усталость, потребность в тепле и заботе, в стабильности. Нельзя тёмным силам позволять руководить твоими мыслями и поступками, «застить глаза». И опустошать. В человеке постоянно происходит энергообмен: поссорился с кем-то, сказал грубое слово – убыло; сделал хорошее дело, послал в пространство доброе намерение – прибыло. Я это даже физически ощущаю. И в сонстройке с находящимися рядом людьми можно и подзарядиться светом, и помрачнеть.

– Какое стихотворение, написанное вами в течение всей творческой жизни, вы считаете самым близким себе самой? То есть тем, которое больше всего отражает вашу внутреннюю сущность? Можете его процитировать?

– «На улице ста колодцев», о котором я уже упоминала.

*На улице ста колодцев совсем темно:
на ощупь идёшь к двери и включаешь свет,
и он обнажает всё, чего больше нет,
он с пасмурным вечером, видимо, заодно.
И лампочка гаснет – вдребезги! На плечо
садится комар и душу твою сосёт.
И нужно тихо выдохнуть «вот и всё»,
ведь белые ночи точно наперечёт.
И светлые дни, и дружеские слова,
когда ты не то, чтоб в мире не одинок,
но просто не помнишь – держится между строк –
а, в общем, знаешь, конечно, как дважды два.
Неважно, сколько сегодня придёт гостей,
вы будете спорить о Боге и пить вино.
И кто-то скажет, как много тебе дано,
а после ты тихо ляжешь в свою постель.
Замкнётся ловушка – цветная коробка стен,
и будут седаны подвески свои сбивать
на улице ста колодцев, твоя кровать
летит в пространстве, в вечности, в пустоте.*

*P.S. Улица Мытная в Москве была прозвана
улицей 100 колодцев.*

И ещё, наверное, «В мире разбилось стекло негромко». У него есть предыстория: в 2011 году ко мне в квартиру пытались проникнуть воры (в третий уже раз), а я как раз находилась дома с маленьким ещё сыном. И вот я подхожу к окну, а с той стороны человек бьёт по стеклу молотком. Это стихотворение о том, что всегда нужно вставать и идти дальше. А ещё у меня есть страшное стихотворение «Каждый год примиряешься с февралём», я никогда не читаю его вслух.

– А какое своё стихотворение считаете пусть не близким, но самым удачным? Почему? Можете его процитировать?

– Читатели говорят, что это стихотворение, посвящённое моей бабушке. Наверное, потому, что оно как раз о быстротечности жизни, о семейных узах, об ускользании памяти и традиций, о щемящей жалости и о любви, конечно.

*А она лежит, и нога у неё – бревно.
Говорит всегда: «Без ноги я уже давно,*

*как пошла в сберкассу, упала и вот – бедро».
А до этого было лето и огород,
сад из яблонь и слив, соления круглый год.
Земляника, смородина – просто просились в рот.
И семнадцать лет не входила я в этот сад,
там сухие бесплодные яблони тихо спят,
а ворота ржавые – песню свою скрипят.
Там тюльпанов и лилий клубни стали землёй,
королевский крыжовник покрылся коростой-тлём,
провода над сараем свисают немой петлёй.
А сама говорю: «Не волнуйся, лежи – лежи»,
и мучительно вижу, как в ней засыпает жизнь
и как будто уходит на верхние этажи.
А она вспоминает снова: «Был жив твой дед...»,
словно и не промчалось стремительно тридцать лет,
словно он и сегодня ещё придёт на обед.
И она мне рассказывать будет ещё о войне,
о своём отце, попавшем в немецкий плен,
и о младших братьях, но более – о сестре.
Я стараюсь запомнить тонкую кисть руки,
и прозрачную кожу её, седые виски,
и беззубый рот: «Доживаем мы, старики...»
Мне придётся пройти тропинкой, что заросла,
подписать договор о продаже «сега числа»
и продать свою память – место, где я росла.
Где, копаясь в земле, собирала я червячков,
где я плакала из-за капризов и пустяков
и не думала, что не станет вдруг стариков.*

Продолжаем пристально изучать регионы России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Калужскую область, в усадьбу Прончищевых, связанную с именем Антона Павловича Чехова.

БОГИМОВО: ЗДЕСЬ ЧЕХОВ ТВОРЧЕСКИ ДЫШАЛ

Богимово — село в Калужской области, связанное с именем Антона Павловича Чехова. В 1891 году писатель провёл здесь лето, работая над рядом произведений и знакомясь с местными достопримечательностями.

Усадьба Богимово (также известная как усадьба Прончищевых) стала для Чехова местом творческого вдохновения и отдыха.

Село Богимово в старину было родовым именем семейства Прончищевых, известного с XV века. В конце XVIII века Алексей Ионович Прончищев, отставной секунд-майор и предводитель Тарусского дворянства, возвёл на правом берегу реки Мышеги большой двухэтажный дом в 25 комнат, два флигеля, конный и скотный дворы. Позже, при внуке Прончищева Алексее Владимировиче, вокруг усадьбы заложили парк, а в селе построили Успенскую церковь.

К 1891 году усадьба уже не принадлежала Прончищевым. Она перешла к Евгению Дмитриевичу Былим-Колосовскому, который и пригласил Чехова поселиться в Богимове.

В 1702 году в Богимове родился и провёл детские годы будущий исследователь Арктики Василий Прончищев, участник Великой Северной экспедиции, первооткрыватель полуострова Таймыр.

С историей Богимова косвенно связаны имена декабристов. В первой половине XIX века усадьбой владела младшая сестра декабриста Евгения Оболенского Варвара Прончищева. После возвращения из ссылки князь Оболенский приехал в Богимово и прожил здесь несколько месяцев. На внучке известного декабриста Кашкина был женат последний хозяин усадьбы Былим-Колосовский, который сдал комнату писателю Антону Чехову.

«То, что мы встретили там, превзошло наши ожидания, — вспоминал Михаил Чехов, брат писателя. — Мы попали в старинную, запущенную усадьбу екатеринского времени, с большим двухэтажным домом, в котором комнаты были так велики, что наша мать Евгения Яковлевна, чтобы пройти из одной комнаты в другую, присаживалась в пути на стул отдохнуть. Антону Павловичу здесь очень понравилось. Он писал Киселёвой: «Живём мы в Тарусском уезде Калужской губ., в селе Богимове, в усадьбе некоего молодого барина... Громадный дом, отличный парк, неизбежные виды,

при взгляде на которые я обязан почему-то говорить: «Ах!», речка, пруд с голодными, любящими попадаться на удочку карасями... И прогулки по вечерам...»

Село Богимово похоже на тысячи сёл и деревень средней полосы России. Здесь умеренный климат и разнообразный рельеф — леса и луга, реки и овраги. Прекрасная природа давно обжита людьми, которые столетиями крестьянствовали в этих местах, возделывали землю и разводили скот. И как почти повсюду, сельское хозяйство к концу XX века сошло на нет. Земля практически обезлюдела, если не считать немногочисленных постаревших местных жителей и дачников.

Село тихо умирает, лишившись того, что могло удержать людей здесь, — постоянной работы. Когда здесь была психиатрическая лечебница, обеспечивалась и сохранность главной достопримечательности села — усадьбы Прончищевых, чей род известен с XV века.

В XVIII веке усадебные дома являлись больше чем жилищами помещиков. Их архитектура отражала не столько вкусы владельцев, сколько дух эпохи. Эпоха классицизма предписывала строениям выглядеть величественно, но при этом стро-

го и просто. Дом Прончищевых отвечал этим требованиям.

Усадьбные постройки, развёрнутые в сторону долины реки Мышеги, были когда-то архитектурным ансамблем, неотъемлемая часть которого — природа. Растительность отчасти маскирует беды богимовской усадьбы.

Главный вход расположен с торца дома. Ступени этого крыльца помнят людей, составивших славу российской истории, науки и культуры.

В 1936 году здание перепрофилировали под психиатрическую больницу, которая обеспечивала местных жителей работой. Главный дом переоборудовали под женский корпус.

Восстановлением усадьбы в разное время интересовались народный артист СССР и руководитель МХАТ имени Чехова Олег Табаков и местный краевед Александр Кандидов.

«Чтобы сохранить эту красоту – надо вдохнуть жизнь. Здесь должны быть мастерские для отдыха и репетиций актёров. В обязательном порядке – комната-музей Чехова. Если это воссоздаётся, становится живым, люди приезжают – тогда это уже культурный центр. Ну, как говорится, лучше не придумаешь», — сказал Олег Табаков во время посещения села и усадьбы в 2006 году.

«Здесь, в Богимове, в этом доме с 18 мая по 4 сентября 1891 года жил и работал великий русский писатель Антон Павлович Чехов», — так написал Александр Кандидов в своей книге.

Немногие знают, что Александр Викторович не только издал книгу и активно изучал историю усадьбы, но и пытался обратить на неё внимание, в том числе президента РФ Бориса Ельцина. В 1993 году он написал ему письмо, в котором говорилось: «Около десятка лет я увлекаюсь краеведением, в результате выпустил книжечку «А.П. Чехов в Богимове». Несмотря на огромную занятость, будьте добры, пожалуйста,

прочтите её и помогите создать в Богимове музей А.П. Чехова, который пробыл на нашей Калужской земле 102 года тому назад 3,5 месяца, написав повесть «Дуэль», рассказ «Бабы», фельетон «Фокусники», восемь глав книги «Остров Сахалин» и известные нам 35 писем родным, друзьям, близким. Есть чеховские музеи в Ялте и Таганроге, Александровске-Сахалинском, Сумах, Мелихове, Москве. А в Калужской области, нет. Хотя возможность создать есть, только надо перевести из дома, в котором жил А.П. Чехов, больных в другую лечебницу области... Очень прошу вас помочь мне в решении «богимовской проблемы».

Её решили, но, правда, частично. Пациентов и персонал лечебницы переместили в другое здание, но усадьба так и не стала музеем.

Несколько лет назад усадьба привлекла внимание московского благотворительного фонда «СоБЫтие», который и взял её под опеку. К проекту «Дом с мезонином», организованному фондом, подключилось сельскохозяйственное предприятие «История в Богимове». Почти за пять лет сделано немало. Составлен паспорт объекта культурного наследия «Усадьба Прончищевых», получено охранное обязательство объекта культурного наследия. В 2018 году составлена научно-проектная документация на первоочередные противоаварийные мероприятия. Частично расчищены и воссозданы приусадебный парк и яблоневый сад, на доме установлена мемориальная доска, посвящённая русскому мореплавателю, первооткрывателю Севера Василию Прончищеву. Начато восстановление Успенской церкви.

Сейчас усадьба и храм находятся в плачевном состоянии. Кровля имения обветшала и провалилась в нескольких местах, второй этаж разрушается под воздействием дождей и снега. Появились многочисленные трещины на фасаде.

Попытки узнать, как продвигаются дела благотворительного фонда по восстановлению имения, остались безрезультатными. Оказалось, что проект «Дом с мезонином» ликвидирован в начале прошлого года. Поменялся и собственник предприятия «История в Богимове». В администрации муниципалитета о сложившейся ситуации знают, но сделать ничего не могут. А тем более комментировать. Спрятать «богимовскую проблему» не получится.

Может, стоит снова обратиться к президенту страны Владимиру Путину? Да и Константину Хабенскому, возглавляющему ныне МХАТ имени Чехова, напомнить? Хочется надеяться, что всё-таки найдётся надёжный инвестор, который доведёт начатое до конца – возродит из руин уникальный исторический памятник русской культуры.

Валерий АНИШКИН

Приём у губернатора

(из книги «Потерявшиеся в России»)

В понедельник утром Виталий Юрьевич нашёл телефон приёмной губернатора и позвонил секретарю. Предупредительно-вежливая секретарша попросила изложить свою просьбу в заявлении на имя губернатора и назвала день приёма. «В случае непредвиденных изменений по срокам приёма, вам будет своевременно сообщено», – заключила секретарша.

Виталий Юрьевич достал из ящика письменного стола лист бумаги, вывел в правом углу «Губернатору...» и задумался. Губернатору чего? Губернии? Но у нас теперь губерний нет, есть области. Губернатору области? Тогда какой же он губернатор? Тогда он областнатор. «Чёрте что!» – рассердился Виталий Юрьевич. Какой-то умник выдернул термин из старороссийского уклада, вбросил его в бюрократический язык новой России, и оно пошло гулять само по себе, оставаясь сиротой как архаизм в массе иностранных слов, обрушившихся на головы россиян... Хотя к любому абсурду, в конце концов, привыкаешь. А с другой стороны, повтори сто раз «корыто», и оно тоже покажется абсурдом.

Виталий Юрьевич решил было написать «Руководителю администрации О-й области», но засомневался. Деловой язык всегда предполагает определённые штампы, и его обращение может не вписываться в стандартную форму. Он снова набрал номер телефона приёмной губернатора и, извинившись, спросил, как надо правильно обращаться к главе области. Секретарша несколько не удивилась вопросу и терпеливо объяснила: «Это не важно. Чаще пишут «Губернатору области». Виталий Юрьевич поблагодарил секретаршу и положил трубку. Он с лёгким сердцем написал «Губернатору О-й области», но теперь стал в тупик перед тем, какое обращение ставить перед фамилией губернатора. Чуть поколебавшись, Виталий Юрьевич ещё раз позвонил в приёмную:

– Ради бога, извините меня ещё раз. Я не знаю, что поставить перед фамилией губернатора, «товарищ» или «господин»?

– Ничего не надо ставить. На «господина» Василий Степанович обижается, а «товарищ» уже как-то не соответствует духу времени.

«А что я удивляюсь? – подумал Виталий Юрьевич. – Ко мне в автобусе и в магазине обращаются безлико «мужчина», а к моей жене «женщина»: «Женщина, передайте, пожалуйста, деньги за билет» или «Мужчина, вас здесь не стояло». И хотя по телевизору и на официальных встречах руководителей часто звучит «господин», в народе это не прижилось.

Виталий Юрьевич, теперь уже не сомневаясь, написал обращение и быстро и толково изложил просьбу.

День приёма переносился дважды в связи с крайней государственной занятостью губернатора, о чём Виталия Юрьевича своевременно предупреждала неизменно вежливая секретарша. Потом секретарша предупредила, что приём состоится, но вести его будет первый заместитель, Сотников Николай Викторович.

В назначенное время Виталий Юрьевич сидел в коридоре

возле приёмной и украдкой поглядывал на таких же как он просителей. Их, к удивлению Виталия Юрьевича, оказалось немного, человек шесть. Все, судя по внешнему виду, были люди простого сословия, и только один выбивался из этой категории тем, что был единственным в дорогом костюме и при галстуке, а в руках держал чёрную кожаную папку. Все сидели тихо, переговаривались шёпотом, точно находились в читальном зале библиотеки, и выглядели пришибленно.

Приём начался точно в назначенное время. Виталий Юрьевич приготовился терпеливо ждать, но не прошло и получаса, как его пригласили в приёмную. Заместитель губернатора решал вопросы просителей удивительно быстро.

Из приёмной его проводили в небольшой кабинет, где шёл приём. За столом сидел подтянутый ладный мужчина лет пятидесяти пяти с приветливым выражением лица. Это и был первый замгубернатора Николай Викторович Сотников. Чуть поодаль, у стены, расположился его помощник, молодой ещё человек, тоже в костюме и при галстуке. На коленях он держал большой блокнот и что-то записывал в него. Виталий Юрьевич поздоровался и сел на указанное ему место за стол, приставленный в форме буквы «Т» к столу замгубернатора.

Виталий Юрьевич коротко, насколько мог, объяснил ситуацию, сложившуюся в их дачном кооперативе, и изложил просьбу, не преминув отметить, что он действует от имени всех дачников. Замгубернатора уже, очевидно, ознакомился с заявлением Виталия Юрьевича, представленным ему секретаршей, потому что ответил сразу и безапелляционно.

– К сожалению, Виталий Юрьевич, мы вам ничем помочь не сможем. Ваше садоводческое товарищество – это частное объединение. А местные электросети сообщают нам, что за один только прошлый год было украдено 130 километров проводов и обесточено более 100 населённых пунктов. А восстановление электроснабжения их задерживается из-за отсутствия денежных средств на приобретение проводов и трансформаторов.

– Это, вроде как выходит, не я вам жалуюсь, а вы мне, – мягко сказал Виталий Юрьевич, боясь обидеть высокого чиновника.

– Да нет, я вам просто обрисовал ситуацию, которая сложилась у нас в области с электроснабжением.

– Вот здесь бы власть и употребить, – осторожно намекнул Виталий Юрьевич.

– Не всё так просто. Если вы имеете в виду закрыть все пункты по приёму металлолома, то это нарушение закона о частном предпринимательстве, которое мы призваны всемерно развивать.

– А нельзя их под жёсткий контроль? Чтобы они отвечали за то, что принимают. Ведь к ним же ещё и канализационные люки тащат. Сколько уже аварий произошло на дорогах из-за этих люков!

– Я с вами, Виталий Юрьевич, соглашусь. Контроль нужен, и он есть. Да только вора трудно поймать за руку. Про-

вода переплавляют в слитки, и это не трудно сделать с таким легкоплавким металлом как алюминий. А изделия из бронзы или других металлов моментально прячутся так, что найти трудно, и тоже потом переплавляются или видоизменяются, и уже от первоначального вида ничего не остаётся.

– И всё же позвольте мне не согласиться с вами, Николай Викторович, – решил возразить Виталий Юрьевич. – Ведь такое же безобразие по всей стране творится, и масштабы воровства наталкивают невольно на мысль, что дело здесь в другом. – Виталий Юрьевич вспомнил их разговор с соседом по даче Николаем Ивановичем.

– В чём же? – Николай Викторович превратился весь во внимание и даже наклонился немного над столом.

– Кому-то просто выгодно оставить всё как есть. Здесь же такие деньги крутятся, что невольно возникает соблазн поживиться. Жаль только, что цветной металл из страны уходит. – Виталий Юрьевич говорил доброжелательно, стараясь ненароком не задеть больную струну замглавы администрации области.

– Ну, это ваше личное мнение. Предполагать можно всё что угодно, хотя я могу допустить, что вы где-то правы, – сыграл в демократию Николай Викторович. – Только если это «кому-то», как вы сказали, и выгодно, то только не мне и не Василию Степановичу. Так что, это не по адресу.

– Я не хотел вас, Николай Викторович, обидеть. Но я не вижу, куда можно обратиться «по адресу». Жулики не сеют и не пашут, а живут припеваючи. У моего соседа среди бела дня под носом у милиции машину увели. Отдел милиции, куда он обратился, отреагировал формально, и тогда мой сосед пошёл на приём к замначальника УВД области. Тот выслушал, принял заявление, посочувствовал, а потом «утешил»: «У моей дочери, – говорит, – в прошлом году тоже «девятку» увели». Правда, с трудом верится, что эту «девятку» не нашли, потому что, когда милиция хочет, всё вверх дном перевернёт, а до истины докопается. Но одно дело – мой сосед и другое – замначальника областного УВД. А почему не воровать, если за угон машины угонщик получит условный срок? Это, конечно, если он увёл машину у моего соседа... Кстати, Николай Викторович, за провода кого-нибудь посадили?

– Законы, Виталий Юрьевич, не мы принимаем.

– Значит, не поможете? – вздохнул Виталий Юрьевич.

– Мария Казимировна, – негромко позвал Николай Викторович. Чуть подождал и попросил сидевшего сбоку помощника пригласить Марию Казимировну. Тот быстро вышел, и в комнату тут же вошла секретарша, которой Виталий Юрьевич передавал заявление и которая регистрировала посетителей.

– Мария Казимировна, где-то должен быть замглавного инженера «Облэнерго». Он ещё здесь? Если здесь, найдите и пригласите сюда, ко мне.

– Хорошо, Николай Викторович.

Секретарша бесшумно выскользнула из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

– Вы, Виталий Юрьевич, живёте в нашем городе давно? – поинтересовался Николай Викторович

– Мы отсюда с матерью уезжали в эвакуацию, когда немцы подходили к городу. Отец нас вывозил по трупам. Нас нельзя было оставлять, потому что он был офицер и коммунист. Кстати, он по заданию ЦК во время войны находился в Тегеране. Сюда мы вернулись в 43-м, когда наши войска освободили город от немцев. Так что я вправе сказать, что это мой родной город.

– А что стало с отцом? – заинтересовался Николай Викторович

– Банальная история. Он сопровождал секретный груз через границу, в результате диверсии получил тяжёлую контузию, долго лечился, занимал средние руководящие должности после войны, по состоянию здоровья вынужден был отказываться от более чем серьёзных предложений и умер рано, когда ему едва стукнуло пятьдесят. А карьера его ждала, скажу вам, блестящая. Впрочем, о периоде его работы в Иране он не распространялся.

– Да! Бывает, – сочувственно сказал Николай Викторович, чуть помолчал и спросил уже бодро: – Ну, а как город теперь? Ведь правда, он стал несравненно лучше?

– Город красивый. Стоит на двух реках. Мосты удобно соединяют все районы.

– А новые застройки, скверы, тротуары?

– А дороги, грязь? – в тон ответил Виталий Юрьевич. Он почувствовал явное расположение к себе со стороны высокого руководителя и, видя, что разговор принял форму неофициальной беседы, позволил себе некоторую вольность. – А стройплощадки, на которых месится грязь, а потом на сотни метров КАМАЗы развозят её по городу?

– У города мало денег, – сказал Николай Викторович. – Вам же, наверно, известен наш бюджет? У нас после расчёта с государством остаются крохи.

– Татары в период их правления на Руси, брали не более десяти процентов ясака, считая, что если будут брать больше, у русских не будет стимула работать и зарабатывать.

Николай Викторович усмехнулся и ничего на это не ответил.

– Тем более удивительно, – продолжал Виталий Юрьевич. Он уже освоился с обстановкой, чувствовал себя свободно и забыл всякую осторожность, которая никогда не оставляет русского человека при разговоре с представителями власти. – В Европе, прежде чем дом строить, дорогу прокладывают, а мы, когда строить начинаем, весь асфальт, который был, грязью на метр покроем, а потом снова укладываем, потому что старый асфальт безвозвратно потеряян. Я знаю, что дорожные работы стоят баснословно дорого... А наша привычка положить асфальт на канализацию, а потом регулярно долбить его, чтобы чинить эту канализацию? И чаще всего траншею после ремонта засыпают землёй, на худой конец, щебёнкой, а про асфальт забывают на долгие месяцы...

– Вы, Виталий Юрьевич, я смотрю, видите одни тёмные стороны нашей действительности, – назидательно сказал Виктор Николаевич. – Так нельзя. Недостатки есть. Не без того. Но вы смотрите шире. Почти все тротуары выложены плиткой. Посмотрите, какие теперь шикарные крытые рынки, сколько открылось новых частных магазинов. И всё это за короткий срок.

– Это я вижу и радуюсь. Но, Николай Викторович, как я могу относиться к тому, что в центре города арку дома, в котором я живу, превратили в туалет.

– Как это? – не поверил Виктор Николаевич.

– Да вот так. Мимо нашего дома народ идёт в парк, а в праздники здесь толпы гуляют. И все ходят в туалет под арку. И уже не стеснясь: и мальчики и девочки в одну арку. Утром, правда, приезжают какие-то тётки и дезинфицируют. И никому из чиновников в голову не пришло поставить биотуалеты.

– Но вы куда-то обращались? – напрягся Николай Викторович.

– Конечно, обращались. Только на наше коллективное письмо на имя мэра города нам ответили, что факты действительно «имеют быть место и во время массовых гуляний арка дома отдельными гражданами используется как отхожее место» И язык-то какой! «Имеют быть место». От этого письма за версту несёт чиновником старой школы.

– И что же вам обещал мэр? – Николай Викторович не мог удержаться от улыбки.

– А он в устном разговоре сказал: «Что ж вы хотите? Живёте в центре, да ещё вам все условия. Считайте, что это издержки комфорта», но, правда, обещал организовать милицейский пост у дома. Это вместо того, чтобы поставить биотуалеты. А вы спрашиваете, что изменилось. Вместе с новостройками город наводнили игровые автоматы и казино, которых скоро будет больше, чем в Лас-Вегасе. Молодёжь ходит по центральным улицам с двухлитровыми бутылками пива, а в нашем дворе мы каждый день находим шприцы. Свобода должна быть ответственной, и это прерогатива власти.

– Минуточку, – Николай Викторович повернулся к своему помощнику и тихо сказал: – Вопрос с туалетами на контроль.

– Я записал, – кивнул помощник.

– Вот опять у вас власть виновата, – продолжал Николай Викторович. – А я, как и вы, Виталий Юрьевич, тоже такой свободы не приемлю. Более того, считаю, что демократия и свобода могут принимать формы, которые вызывают разочарование многих, потому что свобода, можно сказать, свалилась на общество, которое оказалось не готовым принять её. Тем не менее, другого пути у нас нет. На Западе демократическое общество формировалось столетиями, и процесс этот был естественным. У нас этого времени нет. А общество созреет быстро и научится правильно пользоваться данными ему свободами. И это лучше, чем ждать, пока мы нравственно дорастём до понимания необходимости быть свободными и жить при демократии. Можно и не дожидаться. А власть на то и власть, чтобы не преступать закона и следовать конституции. Поэтому мы вынуждены мириться с теми перекосами, которые выплескиваются из этой свободы.

– Да-а! Русский человек всегда хотел свободы и мечтал о ней. Но эта его свобода была мифической. А вот дали нам свободу реальную, а мы теперь не знаем, что с ней делать, она пугает нас и ставит в тупик. Мы растерялись. И оказалось, что реальная свобода нам не так уж и нужна.

Николай Викторович поправил очки, внимательно по-

смотрел на Виталия Юрьевича, хотел что-то возразить, но в дверь просунулась голова.

– Можно?

В комнату вошёл невысокий плотный мужик с чуть вьющимися чёрными волосами и смуглым лицом. На нём был тёмный костюм и красная рубашка без галстука с расстёгнутой верхней пуговицей.

«Цыган, что ли?» – мелькнуло в голове Виталия Юрьевича.

– Вызывали, Николай Викторович?

– Проходите, Тофик Бахрамович, – пригласил замгубернатора.

«Азербайджанец», – решил Виталий Юрьевич.

– Вот тут в дачном кооперативе «Отрада» электропровода срезали. Сможете помочь?

– Помилуйте, Николай Викторович. Вы ведь знаете, какие убытки понесли электросети от этих краж? Убытков, если считать ремонтно-восстановительные работы, почти на два миллиона рублей. Нам хотя бы с основными объектами справиться.

– Видите, Виталий Юрьевич? – развёл руками замгубернатора. – Вот такие дела!

– Вижу! – буркнул Виталий Юрьевич. – Извините, зря приходил, только время у вас отнял.

– Ну почему же зря? – улыбнулся Николай Викторович. – По крайней мере, теперь вы не понаслышке знаете наши проблемы. Мне жаль, что я не смог вам помочь. Но всё же хочу на прощанье осветить проблему, как я её вижу. Электропровода – это собственность вашего садоводческого общества, а собственность надо охранять.

– Как её охранять? Зимой и ранней весной никого в дачном посёлке нет. Да и как уследишь? Воры все наши передвижения лучше нас самих знают.

– Нанимайте охрану, демонтируйте на зимний период линию. А как вы хотели? Пора от иждивенчества переходить на продуктивное отношение к жизни.

Николай Викторович устало откинулся на спинку стула и посмотрел на часы.

– Всё, Виталий Юрьевич. Рад был познакомиться с вами. Ещё раз извините, что не смог помочь. Рад бы, да не всеислен. Приказать не могу, сами понимаете. Не старые времена.

Замгубернатора как-то криво усмехнулся и развёл руками. И непонятно было, то ли он сожалеет о старых временах, то ли нет.

«Из коммунистов, – отметил про себя Виталий Юрьевич. – Из тех, кто перестроился».

Конец 2025 года – начало 2026 года стали плодотворными для писателя Ольги Аристархиной.

Она стала гостем радиопередачи «Радио России Орёл» «Литературная среда», в которой рассказала о книге «Иван Иванович Траппарам». Также состоялась радиопремьера песни на стихи Ольги. Композитором-соавтором и исполнителем стал искусственный интеллект. Писатель выражает благодарность автору программы Юрию Лёвину за интересную встречу и доверие.

Также Ольга отмечена благодарностью Библиотеки имени И.А. Бунина за активное участие в мероприятиях клуба «Шаг навстречу».

Самым приятным подарком для писателя, по её словам, стала обложка декабрьского журнала «Новый Орёл», посвящённая встрече писателя с детьми из детского сада № 91 г. Орла.

Лев ЛОПУХОВСКИЙ

КАТАСТРОФА В РАЙОНЕ ВЯЗЬМЫ, которую можно было предотвратить

ОТ АВТОРА

А зачем сейчас вспоминать об этой трагедии? Говорят же: история не знает сослагательного наклонения. Но я отношу себя к историкам, которые придерживаются противоположного мнения – исторические альтернативы рассматривать полезно, более того – необходимо. Только таким образом можно извлечь опыт из случившегося. Это особенно важно для военного искусства, являясь неперенным условием его развития. При разборе операций и сражений, тем более – неудачных, кроме выяснения причин поражения, следует обязательно рассматривать и альтернативные варианты решений командных инстанций и действий войск, при которых можно было избежать наихудшего развития обстановки.

Вернуться к трагическим событиям 1941 г. необходимо и потому, что в последнее время тенденция оправдания решений и действий тогдашнего военно-политического руководства ещё более усилилась. Некоторые историки и публицисты утверждают, что летом и осенью 1941 г. всё делалось правильно: советское командование своевременно принимало решения, соответствующие обстановке, и твёрдо управляло войсками. Но враг был ещё силён, и иного развития событий тогда избежать было невозможно. Например, в первом томе новой 12-томной истории Великой Отечественной войны, написанной корифеями российской исторической науки, ни о какой катастрофе вообще ничего не говорится. Лишь упоминается, что в октябре 1941 г. под Вязьмой некоторые армии оказались в катастрофическом положении.

На вопрос – можно ли было избежать катастрофы в октябре 1941 г. под Вязьмой, ответ дал маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления: <<...> Катастрофу в районе Вязьмы можно было предотвратить. <...> наши войска могли избежать столь масштабного окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направления главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счёт пассивных участков. Это не было сделано, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника».

В мемуарах маршала приведённый выше абзац следует сразу за его рассказом о посещении им штаба Западного фронта 7 октября, когда о надвигающейся катастрофе ещё не знали. В связи с этим, некоторые историки попытались опровергнуть его мнение: дескать, Жуков тогда ничего не знал о сложившейся к этому времени обстановке, в т.ч. и о соотношении сторон в силах и средствах. При этом они попытались

преуменьшить масштабы поражения наших войск. На самом деле приведённый выше абзац – плод тягостных размышлений после войны.

Должен сказать, что я почти всю сознательную жизнь был вынужден заниматься исследованиями описываемых здесь событий. Дело в том, что мой отец полковник Лопуховский Н.И., командир 120-го гап РКК пропал без вести при прорыве из окружения под Вязьмой. Почти 30 лет ушло на то, чтобы узнать, где и как он погиб. На основе материалов исследования событий того времени я в 1977 г. стал кандидатом военных наук в Военной академии им. Фрунзе (ВАФ). Даже тема моей диссертации – «Выход из боя и отход мотострелковой дивизии» была навеяна событиями под Вязьмой.

При этом мне пришлось доказывать актуальность данной темы. Пришлось даже сослаться на эпизод с планом обороны 16-й армии К.К. Рокоссовского, который не утвердил командующий Западным фронтом И.С. Конев только потому, что там был раздел о возможном вынужденном отходе войск (об этом соответствующие начальники даже не знали). А в 2006 году я опубликовал книгу «Вяземская катастрофа». Сразу отмечу, что все собранные материалы, в том числе и из германского архива, только подтверждали вывод маршала.

В результате исследований последних лет удалось глубже понять замыслы решений командующих и действия войск обеих воевавших сторон. Сейчас мы можем оценить соотношение в силах и средствах к началу операции «Тайфун». Всё подсчитано до последнего орудия, танка и самолёта. Сейчас мы многое узнали о решениях и действиях командования вермахта даже тактического уровня. Можно с полной уверенностью заявить, что теперь знаем о событиях под Вязьмой больше, чем Г.К. Жуков при своей жизни.

Всё подтверждает, что при неблагоприятном развитии обстановки можно было не допустить разгрома трёх фронтов. Значительная часть наших войск могла отойти на подготовленный рубеж, избежав двойного окружения и сохранив свои силы и средства. К сожалению, формат портала Проза.ру не позволяет размещать по тексту нужные схемы и ссылки (всё-таки удалось разместить три схемы на сайте ВКонтакте). В тексте ничего не выдумываю. Все факты из опубликованных моих книг, которые подтверждаются ссылками на соответствующие источники. Трудность в том, что я вижу одним глазом и читать их не могу, пользуюсь поисковиком – сразу не найдёшь. Я отслеживаю связь между событиями, сопоставляя данные из различных, порой противоречивых источников.

Мнение писателя и журналиста Геннадия Майорова:

«В течение многих лет я изучаю события, а затем пишу о так называемой ЗАСЕКРЕЧЕННОЙ ВОЙНЕ в центре России. Посетил те места, о которых рассказывает Лев Николаевич – полковник, сын полковника, пропавшего без вести. И считаю, что все трагические истории войны, которые до сих пор старательно скрывают чиновники и иже с ними, надо не замалчивать, а наоборот выносить на широкое обсуждение. Потому что не только под вой фанфар воспитываются настоящие патриоты, а вопреки лживым посылам, которые ничего, кроме вреда, не приносят...»

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Кратко напомним, как развивались события осенью 1941 г. на западном стратегическом направлении, которые, в конечном счёте, привели к катастрофе. 10 сентября Ставка ВГК (чрезвычайный орган, осуществлявший стратегическое руководство Вооружёнными Силами Советского Союза во время войны) директивой войскам Западного фронта приказала прекратить атаки и перейти к обороне. На следующий день на должность командующего войсками этого фронта был назначен И.С. Конев с одновременным присвоением ему звания генерал-полковника. Войскам западного стратегического направления приказывалось перейти к обороне:

«<...> прочно закопаться в землю и за счёт второстепенных направлений вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группировку для наступления в будущем».

Сталин требовал не давать покоя врагу, и Ставка поощряла попытки наступать в целях улучшения тактического положения войск и нанесения потерь противнику. Поэтому войска на некоторых участках продолжали атаки и после приказа о переходе к обороне. Хотя общая обстановка к этому времени изменилась кардинально: инициатива перешла на сторону врага, который теперь мог выбирать время и направления ударов.

Западному фронту Ставка своей директивой приказала: «<...> 2. Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами». В тот же день директивы аналогичного содержания были отданы Брянскому и Юго-Западному фронтам. Резервный фронт директиву получил в копии.

Надо было готовиться к отражению ударов противника. Между тем, группировка наших войск после Смоленского сражения практически не изменилась. Три фронта оборонялись в первом эшелоне в полосе шириной до 800 км: ЗапФ – 347 км, БрФ – 345 и между ними – две армии РезФ – (из шести) – 108 км. Остальные четыре армии РезФ занимали оборону на Ржевско-Вяземском рубеже.

Так возникла т.н. «чересполосица», которая усложнила управление войсками Резервного фронта и затруднила организацию взаимодействия между фронтами. Глубина обороны Западного фронта при ширине почти 350 км составляла всего 50–70 км, что затрудняло манёвр его силами и средствами, так как основные рокады проходили в полосе Резервного фронта. К тому же, сплошные минные поля перед передним краем обороны, которые, уже при подготовке обороны, мешали подвозу материальных средств Западному фронту. Как показали последующие события, «чересполосица» затрудняла организацию взаимодействия между фронтами и сковывала манёвр Западного фронта.

Основные усилия войск фронтов сосредоточивались на обороне важнейших районов и операционных направлений, которые, к сожалению, были определены без должного учёта намерений и возможностей противника. А немцам удалось выявить слабые места в нашей обороне – стыки между фронтами и армиями. На избранных направлениях ударов они создали подавляющее превосходство в силах и средствах.

А противник спешил с подготовкой новой наступательной операции. Замысел операции «Тайфун» по разгрому «группы армий Тимошенко» командующего группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бока заключался в следующем. Нанесением трёх ударов силами самой мощной группы ар-

мий «Центр» прорвать оборону русских, окружить и уничтожить их главные силы. Затем, развивая наступление в оперативной глубине, ещё до зимы окружить и захватить Москву.

Для обеспечения максимальной силы первого удара и высоких темпов прорыва, группа армий «Центр» строилась в один эшелон с выделением небольшого резерва. Нарастивание усилий в ходе наступления планировалось за счёт двухэшелонного построения танковых групп и большинства моторизованных корпусов. Начало операции «Тайфун» было запланировано на 28 сентября, завершение – к середине ноября.

Планом операции предусматривался удар 4-й армии и подчинённой ей 4-й ТГР по обеим сторонам шоссе Рославль–Москва, а затем их поворот на Вязьму. 9-я армия и подчинённая ей 3-я ТГР должны были продвигаться через район г. Белый к железной дороге Вязьма–Ржев, а затем повернуть в направлении автодороги западнее Вязьмы.

Чтобы скрыть сосредоточение большого количества танков и авиации, немцы, кроме обычных приёмов дезинформации, организовало утечку среди офицеров вполне правдоподобных сведений о нанесении мощного рассекающего удара смежными флангами двух полевых армий по кратчайшему пути к Москве – вдоль автострады. Хотя главный удар силами 3-й танковой группы Г. Гота выбрали в полосе, где не было хороших дорог.

Судя по всему, наше командование сведениям о переброске 4-й танковой группы не поверило. Дело в том, что немцы оставили под Ленинградом радиста из штаба группы, который продолжал свою работу по радиообмену с подставными абонентами. Его почерк наша радиоразведка хорошо знала. Хотя наша радиоразведка засекала в районе Рославля работу неизвестной радиостанции, принадлежность которой установить не удалось.

Ставка ВГК и Генштаб явно недооценивали возможности противника по быстрому усилению группировки, противостоящей нашим фронтам западного направления. Задача на переход к жёсткой обороне была поставлена войскам только 27 сентября, за трое суток до начала наступления немцев. Содержание термина «жёсткая оборона» не было предусмотрено уставами и наставлениями. Высшее военное руководство хотело этими словами подчеркнуть ответственность командующих за подготовку к отражению вражеских ударов.

29 сентября начальник Генерального штаба направил в войска директиву с указаниями как готовить наступательные операции! Это, несомненно, дезориентировало командующих фронтами. Переоценив довольно скромные успехи в Смоленском сражении, некоторые из них, видимо, больше думали о наступлении. В этом отношении особенно «отличался» командующий Брянским фронтом генерал А.И. Ерёмченко, так и не выполнивший своего обещания Сталину «разгромить подлеца» Гудериана.

Вопреки полученному приказу, он решил провести частную наступательную операцию в районе г. Глухов на 10.00 30 сентября. Хотя уже были выявлены явные признаки подготовки противника к наступлению. Так, взятый в плен в 21.20 28 сентября солдат вермахта показал, что в Шостке находятся штабы 17-й и 18-й танковых дивизий противника, а в Мионовке – большое скопление автомашин. Эта информация вызвала большую тревогу в Ставке, которая потребовала проверить данные о танковых дивизиях противника.

Но 30 сентября противник опередил Ерёмченко. И выведенные в исходное положение к переднему краю обороны войска,

попав в 6 часов под огонь артиллерии и удары авиации врага, понесли большие потери. Почему он так поступил и потом обманывал Верховного Главнокомандующего подробно рассказано в упомянутой выше книге.

Войска, изготовившиеся к утру для наступления, попали под удары авиации и артиллерии противника и понесли большие потери. Противник тут же сам перешёл в наступление силами четырёх корпусов 2-й танковой группы Г. Гудериана. Фронт сосредоточивал основные усилия обороны на удержании важного Брянского промышленного района. Поэтому контрудар слабыми силами успеха не имел. К 1 октября оборона фронта была прорвана на всю глубину и противник, продвинувшись на 60 км, начал развивать стремительное наступление на г. Орёл.

Это был первый удар, предусмотренный планом операции «Тайфун», он был осуществлён на два дня раньше намеченного срока по инициативе Гудериана. Наступление его танковой группы поддерживала вся авиация, сосредоточенная в интересах ГА «Центр». В результате немцам удалось в какой-то степени отвлечь внимание русских от главного удара.

В связи с быстрым продвижением врага на Орёл Ставка ВГК 1 октября приказала перебросить войска 49-й армии РезФ (сд – 4, кд – 3, полков ПТО – 4) для прикрытия курского, харьковского и орловского направлений в тылу БрФ. Удар Гудериана и развитие его в глубину нашей обороны не следовало считать локальным. По опыту предыдущих боевых действий следовало ожидать симметричный удар и на другом направлении. На других фронтах ещё раз проверили готовность войск к отражению возможных ударов врага, усилили разведку.

26.09.41 в 15.30 Военный совет ЗапФ доложил в Ставку:

«<...> Пр-к непрерывно подтягивает резервы и к этому моменту сосредоточил на Моск. направлении до 80 дивизий и до 1000 танков, из которых около 500 в районе Смоленск – Починок. У/группировки – Духовщина, Ярцево, ст. Кардымово, Смоленск, район Рославля и Спас-Деменское направление. <...> Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг <...>».

Организованная немцами дезинформация дошла до адресата. На самом деле командование группы армий «Центр» признало, что такой удар лишь приведёт к «прогрызанию» русской обороны, которую они хорошо изучили путём регулярной аэрофотосъёмки.

Удивительно, но И.С. Конев, оценив состав и районы сосредоточения двух ударных группировок противника, сумел вскрыть идею замысла фон Бока на окружение основных сил

своего и Резервного фронтов (вариант «а»)! Но это не всё. В поиске возможного направления удара противника он обратил внимание на доклад разведчиков фронта, которые ещё раньше установили, что немцы севернее автостреды на болотистых участках дороги Духовщина–Пречистое устраивают гати с привлечением местных жителей. Стали разбираться и на местности, которую считали недоступной для использования танков, нашли участок шириной 5 км, где враг мог ввести в сражение танковые части. Он располагался между двух речек. В центре участка на переднем крае находилась деревушка Шелепы. Для развития наступления после прорыва нашей обороны противник мог использовать дорогу Батурино–Канютино с разветвлениями на Ржев и Вязьму.

О том, что И.С. Конев всерьёз рассматривал возможность нанесения противником главного удара не только вдоль автостреды, но и севернее – на канютинском направлении, свидетельствует его доклад лично Сталину, отправленный 1 октября в 23.30 (приводятся выдержки):

«Проверка, сведений, полученных из различных источников, подтверждает создание противником за последнее время против Западного фронта крупных группировок противника сил в двух направлениях:

1. Группировка на направлении Ярцево–Вязьма против 16-й, 19-й, 20-й армий в районе Духовщина – две пд и одна тд и в районе Кардымова – 2 тд и 2 пд.
2. Группировка на направлении Шелепы, Канютино против 30-й армии. Здесь отмечено две пд и одна тд.

Первая группа войск противника нацелена в стык 16-й армии с 19-й и 20-й армиями и вторая в стык 30-й и 19-й армий. Как от первой, так и от второй группировки с фронта в наше расположение проходят шоссированные дороги: Ярцево–Вязьма, старая Смоленско–Московская дорога и от района 30 армии – дорога на Канютино–Сычёвка с разветвлениями на Ржев и Вязьму.

«<...> Данные о замысле наступательной операции противника получить от разведорганов не удалось. Возможны, по нашему мнению, следующие варианты его планов:

а) Действия в направлении Ярцево–Вязьма и Рославль–Сухиничи, с целью попытаться окружить части Западного и Резервного фронтов.

б) Действия на Ярцево–Вязьма и на Канютино–Ржев, или Канютино–Сычёвка–Вязьма с целью попытаться окружить центральные армии Западного фронта <...>».

Далее Конев перечислил меры, предпринимаемые фронтом для отражения ударов врага. При этом отметил, что ещё не удалось в полной мере выполнить директиву Ставки о закапывании в землю передовых частей, слабость авиации фронта (всего 192 самолёта), недостаток боеприпасов в частях – всего от 0,5 до 2 боекомплектов, вместо установленных четырёх. В конце доклада Конев изложил просьбу об усилении фронта, в частности о присылке фронту танков 30 КВ и 30 Т-34 для танковых бригад, заканчивающих формирование.

Вряд ли И. Сталин, озабоченный кризисом на БрФ, смог прочитать доклад Конева отправленный по телеграфу в 23.30 1 октября ночью. А с утра 2-го уже пошли совсем другие доклады. Иначе переговоры с Коневым в ходе Московской стратегической оборонительной операции проходили в ином ключе. Этот доклад оказался надолго запрятанным в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне Президентском). Он был опубликован только в 1990 г. и прошёл мимо внимания исследователей. А зря – он многое объясняет.

(Продолжение следует)

Галина КЛИМОВА

Галина Даниелевна КЛИМОВА – поэт, прозаик, переводчик, редактор.

Родилась в Москве. Окончила географо-биологический факультет Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина и Литературный институт имени А.М. Горького. Автор шести сборников стихов: «До востребования» (М., 1994), «Прямая речь» (М., 1998), «Почерк воздуха» (М., 2002), «Север–Юг» (М., 2004), «В своём роде» (М., 2013), «Сказуемое несовершенного вида» (Ставрополь, 2022) и четырёх книг прозы: «Юрская глина. Путеводитель по семейному альбому в снах, стихах и прозе» (М., 2013), «Театр семейных действий» (М., 2017), «Сочинительница птиц» (М., 2023) и «Сирота на морозе» (М., 2025).

Лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» (2005), международного поэтического фестиваля «Славянская презрѣдка» (Варна, 2007), дважды финалист премии им. Ф. Искандера (2019, 2022) и других. Работает в журнале «Дружба народов». Живёт в Москве.

ПЕРЕПЁЛОЧКА

*Федосье Захаровне Калгановой,
моей бабушке, дочери деревенского скрипача*

...кружева вырезала бумажные,
по праздникам – из фольги,
наряжая, как ёлку, посудную полку,
не жалела на блюдо побольше оборку,
рядками рассаживала пироги.
...выпив стопку, вытирала глаза:
хватит баклуши бить, егоза,
заводи «Перепёлку»!

Я нехотя поднимала скрипку
из сна глухого, как из оврага,
поросшего дешёвым сукном,
и, угнездившись перед окном,
где по нотам щебетала бумага,
почти без вранья начинала:
наша перепёлка старенькою стала...

Поймавши слезу на лету, как ошибку,
когда встрепенулся смычок,
рванулась она, и рот – в кулачок,
узнала и звук, и отцовскую скрипку.

Захар из кацапов,
(забытый мой прадед),
рукастый в окрестностях мужичок,
скрипичного дела и музыки ради
с чудинкой в лесу приглядел чурбачок
на новую скрипку себе, на свадьбу
(вот бы где петь мне и танцевать бы).
Захар и без скрипки хорош, с бородой,
под мышкой с прабабкой моей молодой.

Плясали, пахали...
Посыпались дети:
Марфа, Улита, Хрисанфий и Петя,
и Феня – губы сковородой.

Как с пылу с жару гуляла улыбка,
как распалилась отцовская скрипка,
в жизнь провожала по свежей стерне,
вдруг надорвавшись на бычьей струне:
ты ж моя, ты ж моя, перепёлочка...

Песенка спета. Захарий в раю.
Феня моя у него на подхвате

в тонком певучем размашистом платье, –
и я такое себе скрою.

Долго без музыки не видно утра.
Видно, совсем заигралось во сне.
Продана скрипка.
И куплена люстра.
Страшно сказать, по какой цене.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Лес не шумел.
Его покоил снег
сугробами с московской барахолки,
глазок дупла,
лыжни двойной разбег
и тропок разносолы, разнотолки.
Здесь лапы колкие при всех
тянули дрессированные ёлки.
Попробуй не ответь!
Из-под смолистых век
стращали кабаны и даже волки.
Я не чуралась их.
Я – не чужак.
И тёплым был рукопожатья знак,
почти взаимность в нежности дремучей.

Совсем ручные, бесприютны мы,
все – как один несчастный случай –
в еловых лапах, на краю зимы,
читая по губам: *бесаме мучо!*

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Каждый четверг в моём детстве был чистым –
женский день в городской бане:
шайки казённые, краны с присвистом,
мылась и мылилась без колебаний,
пока не разбила пузырёк с этикеткой Шипр.
И – скорей в предбанник,
а там по радио:
оккупирован Кипр.

Вот как аукнулось родство названий.

И наша Соня, София – столица где-то,
Феодосия антикой подпирала Крым,
а тётя Августа – как завещанье родным –
остров с золотым месторождением лета.

Каждый четверг в моём детстве был чистым...

Вот в чём географическая номенклатура,
я по карте узнала:
где гора – там дыра.
И вслепую на контуре нашла фигуру
французского массива Юра.

– Это ж Юрка на замшелом разлётся диване,
в европейском ландшафте свой,
зарывшись в словарь имён и названий,
демисезонной шуршал листвою.

ПАМЯТЬ О ПАЛИЦАХ

Едва отменяют мёртвый час,
воскреснут сны чудные
как цветомузыка для глаз.
И воздух в пляс.

И мы – родные
по группе крови, по любви –
дитя,
старуха
и скитальцы.

Зазря овраг разлукой скалится,
клокочут в окнах соловьи:
– В Москву, в Москву...

А лучше в Палицы!

Там тёплый дом и тёмный лес,
и кофе не бежит из турки.
Дитя играет с солнцем в жмурки,
и образ жизни – не исчез.

БАЛЛАДА ОБ ИЗБУШКЕ

Давно не жила в избушке,
за серым глухим забором,
давно не играла Вивальди
не пела в саду с утра:
Купите, купите фиалки!
Comprate, compratemifiori
– советская Лиза Дулитл
до самого до нутра.

Ах, как раскудахтались куры,
как в темечко тюкал петел, –
долой из детского мозга
такой буржуазный фантом!
А бабушка моя Феня,
данная Богом, Федосья,
жердинами правила стены, –
на том и стоял наш дом.

А я во саду со скрипкой,
смычок – стрекоза ручная,
мальчишки уже на заборе,
рогатками целятся в глаз,
как в театре сидят в бельэтаже, –
давай им концерт по заявкам...
Тут бабушка с веником грозным:
ну, беси, спасайтесь враз!

Наш дом, он – из бывших – банька
с окошком почти не зрячим,
но Феня всем поясняла:
наш родовой особняк.

Всё было в русле традиций
и в корне патриархально,
если бы в горсовете
не порешили так:
прошлого века улицу,
хоть и звалась Советская,
реконструировать полностью,
словом, пустить на слом,
боком ей вышли флигели,
местный модерн и бараки,
и кособокая банька –
наш особняк, наш дом.

Кур перерезали за ночь.
Сад закопали заживо.
Феня моя убивалась,
грозила властям: удавлюсь.

А власть поступила гуманно:
и ордер дала, и квартиру
с уборной и видом на Клязьму,
не верите?
Не удивлюсь.

И зажили мы всей улицей
в одной типовой хрущобе
на новенькой улице Климова
под грохот трамвайных туш,
чтоб встал из стекла и бетона
цех стратегической важности,
при чём тут личные трудности.

А Климов теперь – мой муж.

***

Помнишь охоту в райском саду,
ловчего сокола, белую галку,
помнишь ловушку, наживу, рыбалку,
брачные игры форели в пруду?

Спящий ангел сторожил наши снасти,
а трубящий шёл с трубой на врага...

И я, хранительница очага,
что-то плела о счастье
из листьев,
лепила из белой глины
первого на белом свете мальчика
под солнцем ещё бездетной равнины.
Плела и пела:
баю-бай, пусть тебе приснится рай.

Он смеялся.

Что его так забавило?

Я плакала, не в силах на счастье своё наглядеться.

До Авеля это было, до Авеля.

Ни я, ни Адам не знали, что такое детство.

В Орловской областной библиотеке им. И.А. Бунина состоялся юбилейный творческий вечер известного орловского краеведа-исследователя, члена Союза российских писателей А.М. Полынкина – ему исполнилось 70 лет.

Александр Михайлович около 40 лет занимается изучением истории Орловского края и более углублённо историей Покровского района.

Результатом его краеведческих исследований и архивных изысканий стал выход многочисленных краеведческих книг и исторических статей, опубликованных в различных периодических изданиях.

А.М. Полынкин является автором проекта «Золотые Звёзды Орловщины», серии книг «История сельских поселений Покровского района Орловской области», трёхтомного издания «Кладёзь орловских фамилий» и «Орловщины родные очертанья: (были и лица нашего края)» и многих других работ.

На презентации выступили многочисленные друзья и почитатели краеведа-писателя с пожеланиями продолжать свою подвижническую миссию.

Фото библиотеки имени И.А. Бунина

Предлагаем читателям один из исторических очерков Александра Полынкина

Настоящий гвардеец (как орловский прапориц Козаков Париж брал)

18 ноября 2012 года в селе Луковец Малоархангельского района прибавилось достопримечательностей: после 67-летнего изгнания на своё место, туда, где стояла когда-то красивейшая Покровская церковь, усилиями местных энтузиастов, возвратился надгробный камень с могилы генерал-майора и кавалера Петра Ивановича Козакова.

Память возвращается...

Когда весной 1955 года в этом населённом пункте прогремел сильный взрыв, многим жителям на короткое время показалось, что в их ещё не успевшее восстановиться селение вновь пришла война. Но оказалось, что здесь по чьему-то изуверскому решению просто уничтожали храм Божий – чтобы не напоминал он о «проклятом прошлом».

Вместе с Покровской церковью разрушены были тогда и расположенные с нею рядом старинные фамильные склепы, в одном из которых хоронили своих родственников местные помещики Козаковы. Надгробная плита одного из них, генерал-майора Петра Козакова, оказалась потом на долгие годы

заброшенной и заваленной мусором на задворках Луковецкого гражданского кладбища. Куда же исчезло надгробие его отца, выяснить до сих пор не удалось. А очень хотелось бы, поскольку Иван Михайлович Козаков был личностью воистину легендарной. О нём даже спустя сто с лишним лет после его смерти с восторгом говорят местные жители как об участнике Отечественной войны 1812 года и знаменитом орловском охотнике.

Впрочем, их живописные и красочные воспоминания, как ни удивительно, подтвердил сам герой с помощью опубликованных когда-то в журнале «Русская старина» собственных записок под названием «Поход во Францию 1814 года». Из них, дополненных биографическими заметками его внука, генерала Александра Безгина, и материалами Государственного архива Орловской области, я и почерпнул сведения, о которых сейчас поведаю читателю.

Иван Козаков – настоящий гвардеец

Иван Михайлович Козаков родился в сельце Котельном Новосильского уезда 27 апреля 1797 года в семье, которую

хорошо знали многие орловские и тульские дворяне, да и при царском дворе она была известна. Отец его, Михаил Андреевич, был на короткой ноге с самим генералом Ермоловым.

В 12-летнем возрасте Иван Козаков поступил в Пажеский корпус и быстро стал в этом привилегированном учебном заведении одним из лучших учеников, которому доверили обслуживать лично Императора Александра I и его семью.

По окончании учёбы в июне 1813 года камер-паж Козаков был произведён в прапорщики гвардии и назначен в прославленный лейб-гвардии Семеновский полк. Через Орёл, Чернигов, Бобруйск и Гродно 16-летний прапорщик добирался до назначенного места. То, что молодой офицер – не из робкого десятка, Иван Козаков доказал уже на пути к действующей армии.

Между Черниговом и Бобруйском, где почти вся дорога шла лесами, его пытались ограбить местные разбойники. Вот как вспоминал об этом Иван Михайлович: «Стало темнеть, лес сделался гуще, как вдруг из кустов выскочила тёмная фигура и схватила за повод коренную лошадь, которая упёрлась и стала пятиться назад. Выхватив пистолет, я закричал: пусти или убью. Разбойник начал свистать, из чащи послышался шум; тогда я выстрелил, фигура отшмыгнула в лес; я выскочил из повозки с саблей и другим пистолетом, бросился за ней; однако оклик сопровождающего дядьки: – Куда вы, в лесу вас убьют, садитесь скорее – меня образумил – и то, правда, – ускачем!».

К началу сентября 1814 года из резерва были созданы две сильные роты для пополнения убыли, понесённой русской армией в Кульмском сражении. Командиром одной из рот численностью 350 человек назначили прапорщика Козакова. 16-летний офицер благополучно, не потеряв ни единого человека, за два месяца довёл свою часть через Польшу и Германию до Рейна, где и присоединился к действующей армии.

Шампанское от генерала Ермолова

Первое сражение для прапорщика состоялось уже на территории Франции, под городом Бриеном 17 (29) января 1814 года. А следующей битвы Ивану Козакову пришлось дожидаться два месяца. Вечером 17 марта 1814 года он получил приказ явиться на следующее утро в распоряжение генерала Ермолова. Вот как об этом вспоминал прапорщик в своих записках:

«18 марта рано утром явился я к Ермолову: – К вашему превосходительству от лейб-гвардии Семёновского полка на ординарцы прислан. „Как ваша фамилия“? – „Прапорщик Козаков“. – „А, любезный, ты из камер-пажей, да я и с отцом твоим знаком – смотри – будем нынче хлопотать и трудиться, а завтра, может быть, и отдых – и в Париже побываем“. – „Да, ваше превосходительство, если не убьют“. – „Ну, это кому что придётся“».

Исторический день взятия Парижа врезался в память Козакова до мельчайших подробностей, которые и много лет спустя вспоминал он как ярчайшие моменты в своей долгой жизни.

Русско-пруссские полки быстро продвигались от окраин французской столицы к центру, тесня наполеоновские войска, а прапорщик на коне, десять часов непрерывно, под сильным обстрелом противника, мотался между Императором Александром I и генералом Ермоловым к переднему краю наступления, доводя до командиров полков полученные им от начальства приказы и распоряжения.

Трижды в течение дня прапорщик Козаков был на волосок от гибели. Вначале он вместе со своим конём чуть не попал

под колёса французской пушки, которую, спасаясь бегством, тащила бешено мчавшаяся четвёрка лошадей. Во второй раз Козакова спас генерал Ермолов, когда ординарец в очередной раз докладывал о выполнении задания. Алексей Петрович, из-за оглушительной стрельбы не слыша доклада, приказал прапорщику подъехать поближе, и в это время вражеское ядро разорвалось на том месте, где несколько секунд назад находился Козаков. При этом были убиты трое гвардейцев.

Третий эпизод случился в самом конце сражения, около 16 часов пополудни, когда стрельба уже почти затихла, и вот-вот должна была состояться сдача города. С высокой трёхъярусной башни неожиданно началась прицельная оружейная пальба, под которую угодил уже не только Козаков, но и сам генерал Ермолов с охранением. Один казак был ранен, но к счастью, стрельба быстро прекратилась.

Победу прапорщик Козаков отметил стаканом французского шампанского, которым угостил его генерал Ермолов (*правда, осушил Иван Михайлович только половину – не пил он к этому времени ещё совсем – А.П.*).

«Не знаю, как другие, но я был очень рад, что остался жив и не ранен и что буду в Париже», – так написал Иван Михайлович об итогах дня 18 марта 1814 года.

Из Парижа – в Малоархангельск

В Париже Козаков побывал на следующий день, когда русские войска торжественно вступили во французскую столицу, а вечером исполнял обязанности начальника караула во время спектакля «Триумф Траяна» в театре Гранд-Опера, на котором присутствовал Александр I. А потом ещё почти три месяца бывший ординарец Ермолова наслаждался заграничной жизнью, квартируя у одного приветливого парижанина по фамилии Дюпоитрен.

Летом 1814 года прапорщик Козаков морем возвратился с полком на родину и продолжил военную службу. Выйдя в отставку в 1827 году в чине подполковника, он поселился в малоархангельском имении Алексеевка (Козаковка). С 1830 по 1842 год Иван Михайлович четырежды избирался малоархангельским уездным предводителем дворянства. В 1855 году И.М. Козаков, избранный начальником малоархангельского ополчения, сформировал дружину из местных ратников и привёл её в Крым.

Иван Михайлович среди малоархангельских дворян и обывателей пользовался огромным авторитетом – как за свои деловые и человеческие качества, так и за познания в охотничьем деле. Скончался автор записок о взятии Парижа 7 октября 1883 года, простудившись на охоте с борзыми, с которыми он вскачь только что лично загнал волка. Шёл Ивану Михайловичу Козакову тогда 87-й год.

Александр ПОЛЫНКИН

Этой медалью был награждён Иван Михайлович Козаков

Владимир ЕРМАКОВ

Заметки о НИГИЛИЗМЕ И НИГИЛИСТАХ

Владимир Александрович Ермаков (родился 6 июня 1949 года в Петушках Владимирской области, умер 2 июля 2024 года в Орле) ушёл на взлёте своего таланта, многое не успел сказать, поделиться с нами. Поэтому сегодня предлагаем познакомиться с его проникновенной публицистикой, с философскими размышлениями о суетности бытия...

1. ЖИЗНЬ КАК ОТРИЦАНИЕ ЖИЗНИ

Если, устав донельзя от банальных разговоров на избитые темы, начинаешь рассуждать о чём-либо отвлечённом, вскоре обнаруживаешь, что ход мыслей всё равно возвращает суждения к действительности. Однако с внеположной точки зрения, в умозрительном ракурсе, существующий порядок вещей видится иначе. В господствующем дискурсе обнаруживается чёртова прорва противоречий. Обстоятельства места и времени, обжитые и обустроенные в обыденном сознании, на взгляд со стороны выглядят непригодными для проживания. Сомнения в сущем множатся и доходят до стадии духовного кризиса. Критицизм, перешедший предел разумного, в философской традиции называется нигилизмом. Нигилист *per se* (в чистом виде) – персонаж из сказки Андерсена, которому в глаз попал осколок зеркала, изготовленного злым троллем. На что бы он ни посмотрел, не видит в том ничего хорошего.

В арсенале формальной логики для прения против рожна есть специальное понятие: *via negationis*. “Via” по латыни – путь, метод, а слово “negative” во всех европейских языках, имеющих общую научную лексику, означает *отрицание, удаление, отказ*. Согласно словарю, общий смысл данного понятия – *определение через отрицание*. Чтобы понять, чем является та или иная вещь на самом деле, нужно отказаться от умозрительных иллюзий, которые скрывают её сущность. Однако такое поведение в цивилизованном обществе часто заканчивается скандалом. Ибо социальная реальность не что иное, как конвенция – некая договорённость о том, что считать реальностью. Так что разоблачение устойчивых условностей – дело неблагоприятное и неблагодарное.

Представьте себе, что упорный поборник правды, попавший ненароком на бал-маскарад, в нарушение общепринятых правил благопристойности, срывает с таинственной незнакомки, будоражащей общее воображение, карнавальный наряд... и узнаёт в ней голую истину. Неприглядную. Нежеланную. Неуместную. Глаза бы на неё не глядели! А ведь теперь ему волей-неволей придётся жить с ней, преодолевая отвращение... Такова судьба тех, в ком стремление к правде преодолевает резоны разумной осторожности.

Если в понятие, приведённое выше, вместо *via* (путь) поставить *vita* (жизнь), мы получим новое выражение, являющееся логическим следствием прежнего: *vita negationis* – существование через отчуждение. Иначе говоря – *жизнь как отрицание жизни*. Разум, стремящийся к самопознанию, словно мифический змей уроборос, который пожирает самого себя, подвергает сомнению всё, что в нём заложено. Мышление становится страданием. *Первым признаком начинающегося познания является желание умереть. Эта жизнь кажется невыносимой, какая-то другая – недостижимой.* (Франц Кафка «Рабочие тетради».)

Несчастное сознание определяет безнадежное бытие. Теряя уверенность в сущем, критический разум обретает свободу как освобождение от обязательных иллюзий. Однако свободомыслие – вольное странствие мятежного духа, чреватое заблуждением. Очарованный странник в своём отстранении от общепринятого может так далеко зайти за горизонт событий, что уже не сможет вернуться назад, – в тёмное и тёплое нутро самородной и самодостаточной жизни.

Что такое жизнь человека, не нашедшего в ней своего смысла? – мучительное переживание того, чего у него нет. Поэтому многие из благоразумных и добропорядочных людей стараются не думать ни о чём, кроме как о непосредственных заботах и насущных потребностях. У некоторых это получается настолько хорошо, что они становятся оптимистами: мир устраивает их таким, каков он есть. Другие поступают наоборот: разбирают в умозрительном анализе мир на отдельные составляющие, пытаясь найти в причинно-следственном механизме изъяны, подлежащие устранению. Однако общий итог разборок с миром трагичен: обнаружить изъяны нетрудно, а вот наладить дело жизни в лучшем виде нелегко или невозможно.

Радикальные аналитики переоценивают возможности критического разума: заново собрать мир в своём сознании в единое целое они уже не могут. В расстроенном мировоззрении мироздание распадается на множество противоречий, и виртуальный абсурд настырно внедряется в голову, в которой пытливого ума оказалось больше, чем здравого рассудка. *Когда думаешь о собственном существовании, испытываешь ощущение изумлённого идиота, который с удивлением замечает собственное безумие и тщетно пытается подыскать для него имя.* (Эмиль Мишель Чоран «О разложении основ».) Таким странным риторическим оборотом философ Эмиль Мишель Чоран выразил кризисную фазу самопознания.

О том же, едва ли не теми же риторическими образами, говорит философ Петер Слотердайк: *Благодаря своим исследованиям и в результате развития собственного сознания человек превратился в космического идиота; он сам себя обрёл на изгнание и сам себя лишил извечной защищённости внутри сотворённых им же самим пузырей иллюзии, погружившись в бессмысленное, чуждое, никак от него не зависящее.* (Петер Слотердайк «Сферы», т.1.)

Отчуждение сознания от бытия началось, конечно, намного раньше нынешнего эпистемологического кризиса, – в незапамятные времена. Наверное, первым изложением логического негативизма в истории культуры стала Книга Екклесиаста; вывод из мудрости древнего иудейского проповедника вмещается без остатка в осуждение мудрости, – *потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь... И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под*

солнцем; ибо всё – суета и томление духа! Античные философы для диагноза этого патологического состояния нашли точную формулировку: *taedium vitae* – отвращение к жизни.

От *taedium vitae* прямой путь к *vita negationis*; жизнь космического идиота, утратившего землю под ногами – горе от ума: самоотрицающая жизнь, тратящая время существования на то, чтобы избыть себя. В нашей литературной традиции образцом патологического скептицизма стал пушкинский «демон»:

Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.
(Александр Пушкин «Демон».)

Как известно, прототипом этого образа был Александр Раевский, коварный друг молодого поэта. Светский умник с надменным видом и с насмешливым взглядом, Раевский держался артистично и выражался парадоксально. Пушкин прочил ему необыкновенную будущность. Но вышло иначе. Язвительный ум Раевского не нашёл общего языка с духом эпохи; романтический флёр вокруг него скоро развеялся, и его старомодный демонизм всем попросту осточертел. Последние годы жизни печальный демон скоротал в добровольном изгнании и в болезненном незнании, зачем он жил.

Впрочем, для идейного демонизма в словарях есть другое понятие, более содержательное – идеологический нигилизм. *Нигилизм* (от лат. *nihil* – ничто, ничего) – мировоззренческая установка, ставящая под сомнение конвенциональные ценности и консолидированные идеалы. В русской общественной мысли это понятие стало популярным после появления романа Ивана Тургенева «Отцы и дети»; скандальным явлением главного героя, человека с вздорным умом и скверным характером, нигилизм вошёл в сознание современников.

Нигилист, если отойти от хрестоматийного образа Евгения Базарова, это человек, одурманенный трезвостью. Нигилизм в этом плане составляет антитезу энтузиазму. В античности понятием *энтузиазм* обозначали состояние человека, одержимого божеством. В христианском мире истинными энтузиастами были юродивые Христа ради. С течением времени понятие потеряло сакральное значение: в наши дни энтузиазмом называют активность в достижении неких идеальных целей. Характерная особенность деятельности такого рода, чаще всего бестолковой – неконкретность. В неформальном определении энтузиазма подразумеваются иронические кавычки; задорные оптимисты в здоровом коллективе находятся под подозрением – или в кретинизме, или в карьеризме.

В то время как записные пессимисты – свои люди; мы с ними одной крови – холодной и тёмной. Психологический нигилизм релевантен социальному цинизму; как говорить, не мы такие – жизнь такая. Примесь нигилизма в духе эпохи – катализатор реакции жизненного синтеза, без которого социальный тезис и житейский антитезис будут существовать в сознании в состоянии напряжённой конфронтации, провоцируя шизофреническое расстройство скорбного разума. А так вроде как всё в норме. – *Как жизнь?* – *Ничего.* Ничего... то есть – *nihil*.

Среди серьёзных мыслителей, реально влияющих на формирование общественного настроения, оптимистов най-

дётся немного. Наиболее авторитетными фигурами речи в каждом обществе оказывались не его защитники, а его критики: социальные мыслители, которые в перспективе истории не видели ничего хорошего, и в природе человека не находили ничего, внушающего надежду относительно судьбы человечества. К несчастью нашему, большей частью они оказывались правы.

История последних столетий, именуемая в учебниках Новой и Новейшей, если чем и отличалась от Древней и Средневековой, то разве что методами убеждений и масштабами безобразий. А внутреннее течение времени, если говорить о человеческом измерении, от Ромула до наших дней, определялось историческим противоборством энтузиазма с нигилизмом. Причём эту полемику нельзя упростить, представив как борьбу добра со злом: целенаправленное давление энтузиазма порождает идеологический беспредел, а разлагающее влияние нигилизма оборачивается либеральным произволом. Как с горечью заключил поэт, переживший на своем недолгом веку многое, – *Куда ни странствуй, / всюду жестокость и тупость воскликнут: “Здравствуй, / вот и мы”.* (Иосиф Бродский «К Евгению».)

Современная культура, доминированная опытом радикальной критики, пронизана нигилизмом как деликатесный сыр плесенью. Основным методом познания становится не утверждение, а отчуждение. Учение о человеке перестало быть гуманизмом: человек как цель потерян в процессе его изучения. Особенно ощутима эта потеря в литературном творчестве. Стоит вспомнить только наиболее авторитетных авторов минувшего века – Кафку, Музиля, Брока, Юнгера, Сартра, Селина, Ионеско, Беккета, Батая, Канетти, Фолкнера, Мориака, Малапарте, Моравию, Дюрренматта, Фриша, Грина, Голдинга, Берроуза, Грасса, Кутзее et cetera. Имя им – легион. Можно подумать, что в классики мировой литературы минувшего века назначались преимущественно пессимисты и мизантропы.

О советской литературе разговор отдельный; социалистический реализм, рождённый казённым энтузиазмом, был оптимизмом по определению. Человек человеку друг, товарищ и брат, – а кто думает иначе, тот потенциальный враг, подлежащий уничтожению. Мало кто из профессиональных литераторов в этих условиях рисковал иметь особое мнение относительно собственной жизни и жизни вообще. Все писатели и мыслители, имеющие лицензию на умственную деятельность, не видели иного пути для человечества, кроме верной дороги к счастью, открытой миру в учении исторического материализма. Нигилизм по-советски – отрицание отрицания; диалектика, однако...

Наращение идейного кризиса советской цивилизации с особой ясностью отражается в перемене творческих установок культовых писателей братьев Стругацких. В развитии их мировоззрения можно выделить три этапа: утопический позитивизм – философский скептицизм – пессимистический иррационализм. Поздние книги АБС – художественное изложение нравственных основ эсхатологического фатализма.

Как самые радикальные атеисты выходят из семинаристов, утративших веру, так самые отъявленные нигилисты выходят из идеалистов, потерявших надежду. Ненависть нигилистов к несовершенному миру – месть идеалу за экзистенциальную несостоятельность. Мизантропы не рассчитывают на понимание современников. И не надеются на признание потомков. Как сказал один из отказников и отще-

пенцев, всемирно знаменитый писатель и мыслитель Морис Бланшо, большую часть жизни проживший в самоизоляции в маленьком городке в горах, – *В самой блистательной по-смертной славе я вижу только претенциозную преисподнюю, в которой критики – все мы – играют роль опечаленных чертей.* (Морис Бланшо «Опыт-предел».)

В тёмном сонме опечаленных чертей, поверженных титанов мятежного духа, особым отрицательным обаянием выделяются мрачные физиономии двух непримиримых критиков божьего мира, – Витольда Гомбровича и Эмиля Мишеля Чорана. О них речь в двух последующих текстах.

2. ЧЕЛОВЕК В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

После всего того, что всемирно знаменитый писатель Витольд Гомбрович ничтоже сумняшеся написал сам о себе, судить о том, каков он был на самом деле, следует с предельной осторожностью; разделить в его лукавой откровенности былое и думы столь же проблематично, как в стакане водки отделить воду от спирта. Ибо излюбленный жанр эксгибициониста Гомбровича – эгоцентрический театр абсурда: гибрид маскарада и стриптиза. Предметом художественного изображения он сделал собственный умозрительный образ, отражённый в кривых зеркалах болезненного самоанализа. Таким образом, в историю мировой литературы под именем Гомбровича внедрил человек, похожий на Гомбровича – откровенный провокатор, ставший скрытым автором его текстов. Творчество Гомбровича настолько противоречиво, что окончательный вердикт о нём неминуемо переходит в конфликт интерпретаций. Когда один литературовед на очередной международной конференции оспаривает мнение другого литературоведа относительно какого-либо сомнительного места в литературном наследстве классика, другим знатокам Гомбровича кажется уместным вспомнить известный пассаж из его дневника: *Ну, чего вы ждёте? Дайте друг другу по морде!*

Польский писатель Витольд Гомбрович родился 4 августа 1904 в Российской империи, – в той части, что была в то время Царством Польским, а умер 24 июля 1969 во Франции. Будучи отпрыском состоятельной семьи и хорошего рода, юный Витек получил надлежащее воспитание и приличное образование, – однако буржуазную карьеру устраивать не захотел ни под каким видом. Войдя в возраст, Гомбро (как его звали в своём кругу) вошёл в варшавскую художественную среду, славную вольными нравами. Презирая мещанские претензии на респектабельность, он, как это свойственно соискателям скандальной славы, провоцировал общественное мнение сумасбродными выходками и сумасшедшими вымыслами, – сначала в литературных кафе, потом в литературных альманахах. Его безумство имеет свою систему; нигилистическая позиция художественной богемы предвоенных лет – попытка противодействия наваждению идеологии. (Поздняя проговорка в дневниковой записи: *Совсем не случайно, что в тот момент, когда позарез требуется герой, ни с того ни с сего появляется шут*).

К концу 30-х лет, после издания пьесы «Ивонна, принцесса Бургундская» (первая слепая ласточка драматургии абсурда), и выхода романа «Фердидурке» (по авторскому определению – книга-обман, книга-обольщение), Витольд Гомбрович занял своё место в авангарде польского искусства предвоенного времени. Однако далее он надолго выпадает из контекста. В начале Второй мировой, когда наци-

сты оккупировали Польшу, Гомбрович ненароком оказался в Аргентине, – и задержался там на четверть века. Все эти годы литератор-эмигрант ведёт двойное существование: в повседневном плане зарабатывает на жизнь конторской работой, а на творческом уровне постепенно обретает мировое признание. Отказавшись возвращаться в социалистическое отечество, Гомбрович не вписывается и в эмигрантское сообщество, позиционируя одиночество как избранничество. Свою отдельность он постулирует в «Дневнике»: *Я сошёлся почти в полной изоляции, и думаю, что немногие из литераторов имели опыт подобного безлюдья.* На чужбине иноземец, на родине отщепенец, Гомбрович утверждает в своём экзистенциальном опыте право личности на самоопределение. В послевоенные годы Гомбрович издаёт три романа – «Транс-Атлантик» (1953), «Порнография» (1960) и «Космос» (1965), а также выпускает две пьесы – «Венчание» (1948) и «Оперетка» (1966). Романы переведены на все европейские языки; пьесы вошли в репертуар мирового театра.

Большинство его произведений откровенно третируют нормативные установки либерального сообщества и безжалостно высмеивают стереотипы массового сознания; его гротескные парадоксы, отравленные сарказмом, с небрежной точностью попадают в нервные узлы моральных проблем современности, – и потому трагифарсы Гомбровича становятся излюбленным чтением европейских интеллектуалов наряду с трактатами Сартра, кошмарами Берроуза и маразмами Беккета.

В конце жизни, обретя наконец финансовую независимость, Гомбрович вернулся на родной континент: в Европу, но не в Польшу. Последние годы жизни провёл на юге Франции, – в непривычном благополучии. Судьба Гомбровича как культового автора решилась не вдруг и не сразу, – зато уж когда критика прочла Гомбровича в контексте времени, его авторитет стал непререкаемым. Однако как ни старалась эта старая блядь слава (так Гомбрович обозвал моду на него) обольстить старого маргинала, академическая среда не сумела соблазнить его выгодами почётного положения. Желчь Гомбровича не теряла присущей ей горечи. Чтобы укротить строптивого литератора, его номинировали на Нобелевскую премию, – но договориться на его счёт шведские академики не успели: пан Витольд со свойственным ему гонором не стал дожидаться решения жюри – взял и всем назло умер.

В мировой культуре Витольд Гомбрович канонизирован в чине классика как романист и как драматург, – но, пожалуй, главным трудом его жизни стал дневник, в котором автор весьма нелицеприятно высказывается обо всём, что входит в сферу его внимания. *Настольная книга европейского интеллигента*, – как сказано в издательской аннотации к русскому переводу (СПб 2012). Автор, человек с обострённым самолюбием, охотно согласился бы с такой высокой оценкой своего труда. Недаром же он написал в начале «Дневника» об особой роли высокого искусства: оно либо останется навсегда тем, чем было испокон веку, то есть голосом личности, выразителем человека в единственном числе, либо исчезнет. Сильное высказывание. Однако, если не согласиться с ним сразу, стоит усомниться в его значении.

Мнение, высказанное Гомбровичем, не аксиома искусства, а скорее апория: претензия эгоцентрика на общественное признание содержит в своей основе логическое противоречие. С философской точки зрения эгоцентризм не что иное как экзистенциальная позиция субъективного иде-

ализма, доходящего в пределе до нигилизма. Как говорит Гомбрович, – *Что нас сегодня обескураживает, так это не та или иная проблематика, а растворение проблематики в людской массе, её уничтожение под воздействием людей.* Это значит, что реальной проблемой автор этого высказывания полагает только то, что занимает его критический разум. Радикальный экзистенциалист, критерием реальности Гомбрович полагает собственное существование. Первые четыре записи в его «Дневнике» радикально кратки: каждая строка состоит из одного слова – личного местоимения. *Понедельник Я. Вторник Я. Среда Я. Четверг Я.*

Я – отправная точка всего остального. Мышление, ограниченное личностью мыслящего, не может выйти из замкнутого эгоцентрического круга: я мыслю, следовательно, существую, – а поскольку мышление других не совпадает с моим, существование других для меня несущественно.

И здесь мысль Гомбровича попадает в логический капкан. Нигилизм как метод освобождения разума от предубеждений – лекарство, которое хуже болезни. Что толку в свободе как таковой, если она – не освобождение, а отчуждение? Смысл человека в единственном числе может быть актуализирован только в общении с другими людьми. Иначе всё, что есть в человеке – ничто. *Человек один не может ни черта,* – исходя из собственного негативного опыта, утверждает герой Хемингуэя, – отщепенец, потерпевший поражение в правах человека. Герой Гомбровича, такой же отщепенец, не слышит его. И не видит смысла в этой прописной истине. И ни в чём другом смысла не видит...

Не знаю, как орловский читатель, но орловский зритель в некоторой степени знаком с творчеством Гомбровича: спектакль по пьесе «Ивонна, принцесса Бургундская» в 2017 году в театре «Свободное пространство» поставил польский режиссёр Гжегож Мрувчиньски. Трагическая история безмолвной и безропотной героини интерпретирована театром в рамках европейской традиции чёрного юмора. Премьера прошла с большим успехом; постановка получилась неоднозначной, но неординарной. Однако в основную афишу спектакль не вошёл: драма абсурда в нашей театральной практике остаётся несчастным и непривычным зрелищем. Зритель спектакля, очевидец поставленного на сцене жестокого эксперимента, переживает эстетический катарсис, – и одновременно испытывает этический стресс: он чувствует себя уличённым в молчаливом сотрудничестве с подлостью, ставшей банальностью.

Художественный метод современного театра суть предельная концентрация гротескного эмпириокритицизма, берущего начало в шекспировской драматургии. *(Жизнь – это только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене, и тут же позабытый, – это сказка, которую пересказал дурак, в ней много слов и страсти, нет лишь смысла).* Муза Гомбровича, нашёптывая ему безнравственные сказки безрассудного мира, пустоты от пропавшего смысла заполняет то страхом, то смехом. Понимание нелепости происходящего разворачивается в постижение странности сущего.

Вот наглядный пример остранения реальности, представленный в «Дневнике». *Я прогуливался по аллее, когда из-за дерева на меня вышла корова. Я остановился, и мы смотрели друг другу в глаза. Её коровность чрезвычайно удивила мою людскость, и тот момент, когда наши взгляды встретились, оказался так неловок, что я смутился как человек, то есть в моём человеческом качестве. Странное чувство, впервые мною познанное, – человеческий стыд перед животным. Я*

позволил ей смотреть на меня и увидеть меня – это нас сравнивало, – вследствие чего я стал в её глазах животным, но каким-то странным, я бы даже сказал, ненормальным. Я продолжил прерванную прогулку, но мне стало не по себе... в природе, которая со всех сторон окружала меня и которая как будто... рассматривала меня. Оказавшись во власти отчуждающего взгляда, нигилист внезапно осознаёт в себе поглощающую пустоту нигилизма – осознаёт как зияние, в котором исчезает его самость.

Трагикомическое отчуждение человеческого существования от перводанного бытия Гомбрович положил в основание своей поэтики, которую литературная критика расположила в общем месте философии экзистенциализма. Гомбровичу это не слишком нравилось, но доказывать отдельность своей литературной судьбы и особость своего творческого метода он полагал ниже своего достоинства. *Я должен рассказать вам о моей жизни в связи с моим произведением? Я не знаю ни моей жизни, ни моего произведения. Я влечу за собой своё прошлое как туманный хвост кометы, а что касается произведения, то я тоже не слишком много знаю, очень даже мало.* Однако того, что он знает, достаточно для того, чтобы смутить наше воображение.

Проза Гомбровича – апология стыда, доходящая до бесстыдства. Его герой – бунтарь против общественной формы, навязанной человеческому содержанию. Подобно нахальному мальчишке из сказки Андерсена, обличающего голого короля, облачённого в иллюзорные одеяния, наглый нигилист Гомбрович разоблачает господствующий дискурс, срывая с него покровы фарисейства. Что в некоторой мере является ментальным насилием над действительностью – безыдейным бунтом, бессмысленным и беспощадным. Безропотная корова, аллегорический реликт пасторальной эпохи, смотрит в упор на праздного человека... и разумному существу, уличённому в бессмысленном существовании, хочется превратить её в говядину.

Американский славист Дэвид Бродски, исследователь творчества Гомбровича, полагает, что в становлении его творческой личности решающим фактором было влияние Достоевского. Но в отличие от русского гения, сострадающего каждому живому существу, Гомбрович немилосерден к людям. *Человек по Гомбровичу – синтез воли и боли: абсолютно одинокая монада, стремящаяся властвовать над другими, чтобы за счёт умаления бытия других восполнить мучительную пустоту в себе.* Что заведомо невозможно. Истошив жизненные силы на то, чтобы быть собой за счёт других, человек в единственном числе, осточертевший самому себе, ищет выход в люди...

Размышляя о логической перспективе эгоцентрического критицизма, я чувствую, как в точке невозврата моя мысль от философской критики обращается к критической рефлексии: *в нигилистической ловушке* (как назвал Чеслав Милош апорию Гомбровича) я обнаруживаю опасный соблазн для мятежного духа. И всё же – спасибо Гомбровичу; вытяжка нигилизма, концентрированная в искусстве – эстетическая вакцина от экзистенциальной бессмыслицы.

О, Ивонна, принцесса Бургундская, священная корова нашей садомазохистской цивилизации, предназначенная в жертву абсурду – помани меня в своих молитвах! Ибо в твоей коровности больше человечности, чем в нашей людскости.

(Продолжение следует)

МИНИАТЮРЫ ЖИЗНИ

МИКРОВЗРЫВ

Сколько поколений прошло по земле, ничего не ведая о потомках и забывая о предках! Я уйду – и обо мне забудут также. Жизнь не остановится, покатится дальше. Какой она была до меня, такой будет и после. Неужели ни одна былинка не содрогнётся, ни одна звезда не моргнёт? На земле кто-то обронит слезу, а на небе – вряд ли. Но думаю, с каждым погребальным ударом колокола, что-то меняется и внизу, и выше. Жизнь и смерть хорошо знакомы друг с другом. И между ними есть свой код общения. Что-то всё же меняется. Пока Вселенная движется, она живёт. И каждое мгновение жизни и смерти, пусть даже в границах квантовой физики, есть ответ на вопрос, который жизнь задаёт, а смерть на него отвечает. Но мы не можем уловить этот момент микровзрыва. Нет, ничто не проходит бесследно. Всякая жизнь оставляет след, каждый поступок имеет следствие. Ничто плохое не избежит наказания, и никакое доброе деяние не останется без награды. Даже если это за гранью нашего понимания.

ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человеческая память, напитанная знаниями истории, есть настоящая машина времени, магическое средство жить во все времена среди бесчисленных поколений людей, знать всех знаменитых деятелей и их деяния, стать свидетелем всех важных событий. Иначе говоря, быть вечным человеком.

РИТМ

Сосед по дому, молчавший некоторое время, сегодня с утра опять принялся за своё привычное ремесло. Да добро бы и впрямь нужное дело, а то ведь так, чтобы руки занять. Всё в квартирах сделано-переделано, гвоздя больше некуда вбить, но руки чешутся. Он стучит и сверлит, чтобы не забыть навык, полученный в незапамятные первобытные времена от предка – Хомо хабилис (человека умелого). Стук-стук, тук-тук – слышится стук дятла, но тому надо добывать червячков и личинок из-под коры. А человек умелый просто скачет.

– Тук-тук, стук-стук – пляшет неспешную чечётку молоток. И сердце умельца радуется, слыша ладный ритмичный перестук. Это единственно доступный ему вид творчества.

Ритм – основа того, из чего рождалась музыка как чистое искусство задолго до того, как подала свой несмелый голос флейта.

МЫСЛИТЕЛЬ

Крупный пушистый кот, сидевший на тепловой трубе в нашем саду, опустив голову на передние лапы, о чём-то задумался, точно Роденовский «Мыслитель». Дума была такая глубокая, что он и не заметил, как подкравшийся сизарь похитил у него из-под носа кусочек корма. Философ не под-

нял головы, не сделал ни одного, даже лёгкого движения. Только приоткрыл щёлку глаза и слегка шевельнул усом. Но и голубь был себе на уме.

– Ну их, этих умников. А то, кто знает, какой беды может от них ожидать!

И, подумав так, он взмахнул крыльями и отлетел от «мыслителя» подальше.

ТИШИНА

Мудрый грач уселся на своё уже привычное место на верхней ветке берёзы, как дозорный на вышке. Так было уже несколько дней. Чем-то полюбились ему это место. Тихо, пустынно, далеко видно. Посидел, поглядел, не увидел никакого не порядка и, тяжело оттолкнувшись, поплюхал куда-то по ему одному ведомому адресу. А проглянувшее из млечного тумана бледным пятном солнце проводило его улыбкой, как своё едва научившееся разуму дитя. Да, ничего он не заметил, зоркий сторожевой, такого, чего не было вчера. Так же шёл и затихал лёгкий невесомый снежок, поддувал младенческими устами ветер. Всё спало в порхающей зыбке сна. Всё было тихо в этой точке земли.

ПИЧУЖКА

Февраль никак не определится: стоять ли ему по-прежнему непоколебимой стеной туманов или уступить Стрибожьим коням завихриться и заснежиться на спящих белых просторах.

Сегодня с утра какая-то мелкая пичужка всё время шмыгала по голым веткам берёзы. Синица? Нет, пожалуй, нет. Скорее, зеленушка. Никого рядом не видно, ни единого крылатого создания: ни грача, ни галки, ни прочих залётных обитателей леса и городских окраин. Либо не так уж плохо в лесу, хватает орешков и почек. На худой конец и пожухший листочек сгодится, а то и хвоинка. Либо хватается корма и в других местах. Зима не суровая. Найдётся, что поклевать. Да и хлебных крошек возле домов хватает.

Но, может быть, зеленушка всё же прилетела не зря. Посмотрела и доложила, кому надо, как обстоят дела в природе.

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Всё в мире – иллюзии. И сам мир только отблеск высшего, невыразимо прекрасного. И наш мир, говорят люди в сутанах – только искажённое представление идеальной сущности. Но в этих иллюзиях, доступных глазу и слуху, в образах искусства и таится всё самое прекрасное, что есть в жизни. Любовь обманет, красота обернётся старением. Любовь и красота с обманчивой изнанкой уйдут и вновь родятся с каждой новой жизнью, очарованием весеннего обмана.

СОЛНЕЧНАЯ ПОЛЯНА

«Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сум-

рачном лесу». Я не к тому повторяю эти строчки из Данте, чтобы оказаться с ним на одной дороге. Просто жизнь каждого с самого начала напоминает уголок природы, вначале согретый любовью матери и близких. Это скорее поляна, освещённая ярким и тёплым солнцем. Затем пространство её расширяется. Она потихоньку переходит в подросток, потом в лес, всё более густой и полный опасностей. И, наконец, мы оказываемся в чаще грехов и заблуждений и бродим в нём, ища выхода к солнечной поляне.

ЯНВАРЬ

Январь пришёл и ушёл один, без зимы. Струился, как один длинный туманный день с редкими просветами в облаках. Что ж, знать, и в природе бывают одинокие путники. Первый снег так и не лёг. Прильнул раз-другой к неостывшей земле и истаял подтёками и лужами. Исчез неизвестно куда. Бурый слой почвы так и остался без пухового одеяла, укрытый лишь пожухлой сморщенной листвой. Солнце выглянуло однажды на короткий миг и тут же пропало, как будто ошиблось адресом. Ночь и день не узнали друг друга. Серый сумрак смешал время суток. Луна, правда, выходила мутным пятном, но, ничего не разглядев внизу, тоже спряталась. Звёзды потерялись в седых глубинах бездны, запутавшись в кудели облаков.

Январь так и ушёл, не подарив ни единого дня Весны Света. Что если и февраль-бокогрей, лютень, вьюжень, как прозвали его наши предки, будет не лучше?

Кое-где вышли из земли ранние подснежники, в лесах расплодилось грибы. Тут под деревьями сырости хватает. А в городе почти все дни сухие, мелкие дождички редкие. Так, повеет влажной пылью, будто с дальней водяной мельницы. Дороги чистые. Ни ветра, ни пыли. Красный уличный флажок градусника не падает ниже нуля, а часто взбирается и выше и стоит так неделями.

Что нам за подарок такой или наказание? Синоптики говорят: причиной стал огромный выброс метана от взрыва Северного потока, равный извержению мощного вулкана. Что если весь год, а за ним и ещё несколько будут одним ненастным январём?

Лично я на погоду не в обиде. Нулевая температура мне нравится. В ней, в её таинственных туманах есть своя мечтательная прелесть.

ПОЧЕМУ

День проходил. Дрозды улетели. Солнце зашло. Куда, зачем и почему? Учёные мне объяснят, но я всё равно не престану спрашивать.

НА ДНЕ

Я лежу на дне, всё глубже погружаясь в песок. Воды жизни проплывают надо мной. Песчинка за песчинкой день ото дня всё плотнее покрывают моё тело, наполнят рот, уши, закрывают глаза. Предметы вверху смутны, звуки глуше.

Почему и за что всё это? Сколько я не спрашиваю кого-то, кто больше и могущественнее меня и в ком я нуждаюсь, ответа нет. Есть вещи, которые не нуждаются в словах и не рождаются в мыслях.

Сверху меня уже почти никто не видит. Но в моём подводном мире ещё идёт своя жизнь. Вот я перебираю ягоды на рождественском столе. Хорошо помню, как они легли, когда я высыпал их из пакета. По правилам моего дрессированного на немецкий лад мозга брать их надо поочередно, а не как

придётся. Я протягиваю руку, чтобы взять первый на очереди плод, но чем-то отвлекаюсь – и рука тянется к последнему. Порядок нарушается. «А, ладно», – думаю я. Но вовремя спохватываюсь. И беру всё-таки первый. Мировой порядок восстановлен. Вы смеётесь? А зря. Порядок стягивает все скрепы в мире в одно целое. И всякое нарушение отзывается неверным звуком, нарушающим симфонию жизни.

А что до того водам времени, протекающим над моей головой? Не знаю. Но для меня это всё ещё важно.

ДЕТИ ФЕВРАЛЯ

Как только не называли второй месяц зимы в старину! И лютень, и снежень, и бокогрей, и снегосей, и крутень. Имен много, как братьев у отца-матери, а месяц один, и нрав у него всё тот же, что и тысячу лет назад. Вначале посыпали братья колочей белой крупой голую землю, завьюжили метелями, так что свет белый скрылся из глаз, дунули в небо едкой синью, басмой плеснули на закутанное туманом солнце.

Детей много, все послушно трудятся на мельнице, но всё же старшие характером посуровее. Брови хмурят над седыми ресницами, как отец, снежную муку сеют, как матушка, к Масляничному пирогу, готовятся к проводу Зимы. Это старшие. А совсем молоденькие, ещё снег на губах не обсох, рвутся на волно, не слушая ни приказов, ни уговоров, им до солнышка добраться. Кружат и веют, водят хороводы, сбивают путников с дороги, воют голосами проснувшейся волчьей стаи, хрустят валежником, ворочаются с боку на бок бурыми медведями.

ОДАЛИСКИ АКВАРИУМА

Аквариумные рыбки рыжего, красного, оранжевого цвета мелькают у меня на экране компьютера. Гибкие движения одалисок из гарема; округлые, обтекаемые формы, перетекающие в тонкие хвостовые плавники. Баядеры водных глубин. Некоторые напоминают грациозностью, хищной мягкостью движений, окрасом тигров в движении. Не от этих ли оранжевых рыбок произошли общие предки земных и подводных хищников? Теперь они за стеклом, как в прозрачной клетке, чаруют глаз красотой и пластикой скольжения, а когда-то в незапамятной древности их прародичи резвились и на просторах океана.

МУЗЫКА ЖИЗНИ

В расположении слов в стихах и в прозе есть своя нотная линейка, свой код и шифр. И на этой линейке нельзя поставить случайные знаки. Музыка тотчас охромеет, искривится, а то и вовсе распадётся. Импровизация ловит неповторимое мгновение музыки жизни. А если мгновение упущено, повторить его невозможно.

ДРОЗДЫ

Небольшой мороз. Солнце. Небо сбросило бельмо с глаз. За окном какое-то мельтешение. То, что я принял за зыгравших грачей и галок, оказалось стаей чёрных дроздов с белыми подбрюшками. Крупная сетчатая стая покрыла рябинки. В мгновение ока юркие, как трепет их крыльев, очистили ветки от уцелевших ягод. Возвратившись раз-другой на опустевшие уголья и не обнаружив добычи, взмыли в воздух, оставив за собой голые ветки. Рябинок в нашем саду ещё много. Вот к ним и устремились первые посланники весны.

И поглядеть на всё, что произошло, выкатилась белая луна.

Командировка на войну

Путевые заметки журналиста RTVI из Донбасса

Продолжение. Начало в № 61

«Девять дней без воды и еды»: как снайперы работают в зоне боевых действий на Украине

Снайпер в условиях современных боевых действий — это не только боец, способный поражать живую мишень и проводить разведку, но и дронабой. Нынешние реалии в зоне спецоперации таковы, что ежедневно снайперам приходится прикрывать своих товарищей и артиллерию, поражая «птичек» противника. Спецкор RTVI Денис Волин побывал в расположении подразделения снайперов добровольческой бригады «Эспаньола» и узнал, как сегодня готовят стрелков и почему каждый из них должен знать психологию и уметь нестандартно мыслить, если хочет быть действительно эффективным.

На входе в распоряжение нас встречает замкомандира бригады с позывным Ярый. Высокий, крепкий, с идеальной выправкой боец. Этот образ каждый мог сотни раз видеть в голливудских фильмах про войну. Ярый именно такой, да только, в отличие от картинных кинематографических героев, как писал классик, — с русской душой, и реальный воин.

Ярый впервые попал на войну в 2014 году. Сам он из Горловки. На тот момент работал на заводе и не имел за плечами даже срочной службы. Когда на Донбассе начались боевые действия, примкнул к только-только появившейся Горловской разведроты «Череп и кости», командиром которой стал Испанец. Тот самый Испанец, который через восемь лет создаст бригаду «Эспаньола», сформированную из футбольных фанатов, и поставит перед собой задачу — выковать солдат будущего.

«Ещё до начала СВО Испанец знал, что будет дальше, готовился к этому, собирал вокруг себя людей, которые имеют боевой опыт. Так что в 2022 году он вошёл сюда с подготовленными специалистами, и стал собирать уже «Эспаньолу», — разливая по кружкам чай в столовой располагает, рассказывает Ярый.

По его словам, именно в Донбасскую кампанию он заинтересовался снайперским делом.

«С 2014 года я служил в разведке до конца 2015 года. А в 2016 году нас с напарником порекомендовали в проект, который назывался «снайперская пара», — вспоминает Ярый. — Суть его заключается в том, что два снайпера-разведчика полностью в автономном режиме выполняют задачи в интересах подразделения».

Эти задачи приходилось выполнять на линии протяжённостью 58 километров. Два снайпера сами определяли себе участок работы и уходили туда в свободное плавание. Чаще всего работали из «серой зоны» и абсолютно без какого-либо прикрытия. Кроме того, автономная работа предполагала, что находиться на замаскированных позициях приходилось длительное время. Бывало, как вспоминает Ярый, что по возвращению к своим нужно было убирать оружие за спину и выходить с поднятыми руками: встречавшие снайперов ополченцы часто их вообще не знали и понятия не имели, какие задачи и в интересах кого они выполняли. «Ну, выходили, объяснялись и всё было нормально», — улыбается Ярый.

Именно во время войны на Донбассе снайперская пара Яро-го поставила свой личный рекорд с поражением цели — 1650

метров. Сам Ярый тогда работал вторым номером, а стрелял его напарник. Это было поражение сразу двух целей. «Первая цель была поражена, а дальше, пробив его насквозь, пуля поразила ещё одного бойца противника», — рассказывает снайпер. Сейчас, добавляет он, стрелять стало полетче: появились современные винтовки, улучшенное оборудование для корректировки выстрелов и снаряжение. Поэтому, говорит Ярый, в нынешних реалиях результативный выстрел можно сделать и на более длинную дистанцию.

«Я знаю, ребят, которые стреляли на 1700 метров на Клещевском направлении», — уточняет Ярый.

Имя человека, который порекомендовал в «снайперскую пару» бойцов Горловской разведроты, Ярый не называет — ни к чему. О нём он говорит лишь то, что тот до развала СССР служил в спецназе КГБ и самолично готовил снайперов. Ярый ходил к нему на занятия и поначалу стрелял из обычного «калаша». Потом уже обзавёлся своей первой снайперской винтовкой. По словам собеседника RTVI, начав изучать снайперское дело в 2016 году, он продолжает заниматься этим и по сей день, будто бы воплощая собой ленинский принцип — учиться, учиться и ещё раз учиться.

Донбасский опыт Ярому сильно пригодился в 2022 году.

После начала СВО, когда в «Эспаньоле» было сформировано снайперское подразделение, первым их направлением работы стал Угледар. Но уже вскоре стало понятно, что основной театр боевых действий будет развёрнут в Мариуполе.

«Если во время кампании на Донбассе у меня был опыт непродолжительных боёв в Угледарске и Дебальцево, то тяжёлые городские бои за Мариуполь были впервые. Там мы тоже работали снайперской парой. И я скажу так: для снайпера городские бои — это самое прекрасное, что может быть в его работе. Ты можешь замаскироваться везде, и работать по противнику со множества разных позиций. И опять же, здесь важно подчеркнуть, что стрельба по гражданским, само собой, недопустима. Этому всегда уделяется особое внимание. С гражданскими мы не воюем», — рассказывает Ярый.

Как-то, вспоминает боец, друзья узнали, что он работает в Марике, как город называют военные, и решили скинуться и подарить тепловизор.

«Для нас это было что-то с чем-то. В ночное время суток мы доработали оружие, поставили на него прицел, использовали глушители. Поэтому ночью противник даже не понимал, что с ним происходит. Ультракороткие дистанции — от 100

до 300 метров. Просто нащёлкивали», — вспоминает Ярый.

Я интересуюсь у него про снайперские дуэли — случались ли такие в его практике на Украине. Ярый признаётся: прицел в прицел со снайпером противника, как, например, в фильме «Битва за Севастополь» про легендарную Людмилу Павличенко, им смотреть не доводилось.

«Но у меня была дуэль не со снайпером», — вдруг говорит Ярый и рассказывает историю про случай в Мариуполе.

Однажды во время штурма частного сектора Ярый искал необходимую высоту, чтобы обеспечить прикрытие штурмовикам. И в какой-то момент оказался рядом с, на первый взгляд, пустующим двухэтажным детским садом. Зайдя внутрь, Ярый обнаружил, что там сидят 10–15 мобилизованных. Ну, сидят и сидят, подумал снайпер, и поинтересовался, есть ли у них какие-то сведения о противнике. Один из мобилизованных подошёл к окну и начал указывать куда-то пальцем. Едва успев взять его за шиворот и оттащить от окна, вспоминает Ярый, он увидел, как через окно тут же залетела автоматная очередь. Ярый отчитал мобилизованного за бесполовое поведение, и отправился наверх, чтобы выбрать удобную позицию: всё-таки неприятель засветил свою огневую точку. Самым подходящим местом для поражения цели оказался диван на втором этаже.

«Я так уже хорошо на нём расположился, начал искать противника в прицел, — продолжает Ярый. — И только нахожу его, вижу прямо перед собой, готовлюсь сделать выстрел, как ко мне подлетает тот самый мобилизованный, которого несколькими минутами ранее я отгаскивал от окна, — и начинает тормозить меня. «Ну, сука! — заревел я. — Убери руки!». А он на меня смотрит и говорит: «Братан, тебя бы убили». Ну ё-мое! Какой облом! Честно говоря, мне так смешно было на них смотреть. Ребят просто взяли с заводов, они вообще не имели представления о войне. Первое, что я им скомандовал: упали на пол! И они, как малые дети, заползали на коленках. Чисто детский сад, ясельная группа».

После штурма Мариуполя Ярого, как и всех остальных бойцов российской армии, впервые участвовавших в затяжных боях за 400-тысячный город, ждали новые сюрпризы. Сначала постепенно, а затем в стремительных темпах небо над украинским фронтом начали заполнять смертоносные птицы — беспилотники. Перестраиваться пришлось не только пехоте и артиллерии, но и снайперам.

В августе 2025 года в телеграм-канале «Эспаньолы» было опубликовано видео, на котором демонстрируется работа снайперов под Константиновкой. В одном из фрагментов видео снайпера атакуют дроны противника. Боец, находящийся в лесополке, пытается уворачиваться и прятаться за деревьями, но в конце концов получает ранение. К счастью, он остаётся жив. Я встречаю его в раскладе снайперов — на костылях, с перебинтованной ногой, но в бодром расположении духа. Чтобы спасти свою жизнь, ему пришлось превозмочь себя и, будучи раненым, ещё триста метров пробежать, увиливая от «птиц», до точки эвакуации.

Чтобы выжить в условиях современных боевых действий и эффективно выполнять поставленные командованием задачи, снайперу приходится много и кропотливо работать над собой. При этом снайпером может стать далеко не каждый.

В «Эспаньоле», рассказывает Ярый, во время отбора претендент должен пройти обучение по специальной программе, включающую физические и психологические нагрузки, умение обращаться с оружием, логически мыслить и решать

вопросы нестандартными способами. Если все соответствующие качества у человека есть, то инструкторы к нему начинают присматриваться и решать, стоит ли с ним заниматься дальше. Пример с бойцом, сумевшим выжить после столкновения с дронами, — это про все отмеченные выше критерии сразу.

«Свои задачи снайпер выполняет в основном автономно. Ему приходится в пешем порядке преодолевать огромные дистанции, маскироваться, работать под БПЛА, сохраняя хладнокровие под маскировкой. Более того, из-за объёма нагрузки нужно быть устойчивым в психологическом плане», — объясняет Ярый.

«Ещё один критерий, — продолжает замкомандира «Эспаньолы, — снайпер обязательно должен быть интеллектуально развитым. Мы не учим здесь как быть машиной: бицепсы большие, Родину люблю, кормят хорошо. Снайпер должен находить нестандартные решения. Поэтому во время подготовки мы создаём различные условия и смотрим, как люди решают возникающие проблемы», — говорит Ярый.

Он приводит пример: прежде чем подойти к цели, необходимо быть физически крепким и знать, как маскироваться, использовать преимущества той местности, где находится снайпер. Прийти и шлёпнуть — много ума не надо, ведь сделать выстрел и убить одного человека исхода боя не решает. Но если провести разведку местности, посмотреть, что происходит, каким образом происходит, то снайпер может собрать информацию о противнике для дальнейшей разработки плана по более эффективному выполнению боевой задачи.

«Снайпер — это прежде всего разведчик, — будто бы постулирует Ярый. — Мы собираем информацию о противнике. Допустим, из четверых-пятерых, кто находится на позиции, можно узнать, кто медик, кто старший. И потом уже гораздо интереснее будет убирать таких людей».

Помимо этого снайпер убивает не только противника, а, что немаловажно, выводит из строя вооружение и средства связи. «У нас был случай, когда вычислили пулемётный расчёт. Там стоял крупнокалиберный пулемёт. Мы сделали засаду, встречным огнём выманили их на себя, — а затем одним выстрелом был поражён противник, вторым — сам пулемёт, — говорит собеседник RTVI. — Чтобы разработать засаду и вытянуть на себя, как раз и нужно логическое мышление».

Ещё один важный аспект — психология.

— А она-то зачем снайперу? — интересуюсь у Ярого.

Он улыбается и продолжает:

— Каждый человек жадный. И когда группа отходит с позиции, мы можем оставить вещи, которые противник захочет заполучить себе. Снайпер думает на шаг вперёд. Соответственно, такие вещи имеет смысл оставлять на тех местах, где из следующей оборудованной позиции он сможет наблюдать, как противник подойдёт и заинтересуется этой вещью. Дальше — вы и сами понимаете, что произойдёт. Это самый простой пример. То есть знание психологии повышает эффективность снайперов.

Дроны — главная головная боль в том числе и снайперов. Если раньше он мог допускать какие-то ошибки в перегруппировке и передвижении, то сейчас их цена — жизнь. Соответственно, маскироваться на передке стало в разы сложнее, особенно — с появлением у дронов качественных тепловизионных камер. Однако опытные бойцы руководствуются старой русской поговоркой: волков бояться — в лес не ходить. И

против дрона есть приёмы, уверены в «Эспаньоле». Так что здесь снайпер, прежде чем противостоять тепловизору, должен сам освоить то, как он работает.

«Длительные занятия с тепловизорами позволяют настраивать своё мышление таким образом, что ты уже видишь картинку и понимаешь, как этому противодействовать, — рассказывает Ярый. — Приёмов противодействия на самом деле много. Это и рельеф местности, и накладки — хотя работают не все из них. Нужно понимать, что маскировка — это комплекс мероприятий. Нет такого, что ты надел шапку-невидимку и исчез».

Собеседник RTVI объясняет, что тепловизор позволяет обнаружить как тепловые сигнатуры, так и холодные. Если боец сильно горячий — его видно, сильно холодный — тоже. Так что снайпер должен понимать, в какие моменты стоит двигаться, в какие нет. Когда допустимо использовать складки местности, когда дополнительную маскировку — например, ветками прикрываться, среди деревьев, кустов или камней спрятаться. Потому что увидеть цель — это одно, распознать её — другое. За световой день, рассказывают снайперы, особенно летом, камни нагреваются таким образом, что ВСУшник может смотреть в тепловизор и видеть, что там везде противник. Иногда, вспоминают бывалые бойцы, даже мышь, если на неё смотреть в тепловизор с дешёвой матрицей, можно принять за неприятеля.

«Так что, если у тебя есть тепловизор, это совсем не значит, что ты всех победил», — уверенно говорит Ярый.

Прошу Ярого рассказать, с каким оружием работают снайперы «Эспаньолы».

«Мы используем практически все номенклатуры боеприпасов, актуальные сегодня для снайперов, — отвечает Ярый. — В арсенале у нас винтовки Лобаева, ORSIS, снайперские винтовки Чукавина, СВ-98».

Винтовки, продолжает Ярый, бывают полуавтоматические и болтовые. Болтовые можно использовать с боеприпасами калибра до 12,7 мм. Это позволяет стрелять на дальние и сверхдальние дистанции. И даже супердальние дистанции, уточняет Ярый. Полуавтоматические винтовки же нужны на близких дистанциях, либо для поражения воздушных целей.

— А НАТОвское оружие к вам в руки попадало? — спрашиваю своего собеседника.

— Была французская винтовка в 50-м Браунинге и британская Accuracy International Arctic Warfare, — говорит Ярый.

И тут же оговаривается, что сравнивать наши и западные образцы не имеет смысла.

— Что из той, что из этой винтовки я могу выстрелить на 1,5 км. И поразить цель. Мне без разницы, из какого оружия стрелять. И мы таким образом готовим всех снайперов. Они должны взять любое оружие и работать с ним, не заморачиваясь, — объясняет Ярый.

Он снова приводит пример. Одно из последних упражнений, которое отрабатывали снайперы «Эспаньолы», заключалось в том, что бойцы вышли на полигон с неизвестным им боеприпасом и без данных в баллистическом калькуляторе. Задача — быстро разобраться и сделать точный выстрел.

— В течение четырех минут мы ввели данные. По первому выстрелу выяснили, что тип боеприпаса отличается от предполагаемого, опытным путём определили тип боеприпаса, перебили данные, и следующим выстрелом поразили цель. Вот так должен работать снайпер. И тебе должно быть всё равно, что у тебя за винтовка. Есть такие, кто любят име-

на давать винтовкам, в платишки наряжать, но как по мне — всё это ересь, — говорит Ярый.

Настоящей проверкой на прочность для снайперов «Эспаньолы» стал Часов Яр. Здесь им пришлось не только уничтожать живую силу противника, но и корректировать артиллерию, а также — сбивать дроны.

Первой точкой в Часике у снайперской группы «Эспаньолы» был микрорайон Северный. Задача — разведать обстановку, найти места дислокации для штурмовых групп и обеспечить заход штурмовикам. Однако, как это часто бывает во время боевых действий, на месте все планы начали сыпаться.

— Зайдя туда, группа столкнулась с противником. Первичная информация не подтвердилась. Изначально была информация, что противника там немного, оказалось — много. Было тяжело. Ребята находились там девять дней — без воды и еды. Собирали снег и влагу с эвакуационных одеял. Получили ранения. При этом ждали, когда им поступит приказ о возвращении. Пока они свою работу не выполнили, несмотря на ранения, оставались там и выполняли боевую задачу, — рассказывает Ярый.

Как уже писал RTVI, в Часовом Яре «Эспаньола» понесла серьёзные потери. Свои жизни там сложили 25 человек. Это половина всех потерь бригады за всё время специальной военной операции. Их могло бы быть больше, — эту крепость ВСУ возводили с 2017 года, и противник там оказывал российской армии невероятное сопротивление. Снайперы, взяв на себя несвойственную им до этого роль дронобоев, как могли прикрывали своих.

Ярый показывает в сторону кубриков.

— Только что прошёл человек, который сбил восемь коптеров за два дня [в Часовом Яре]. Это только один снайпер, а их там [снайперов «Эспаньолы»] было четверо. Я даже не возьмусь посчитать, сколько всего они сбили. Прикрывали нашу артиллерию. Противник выявил её расположение и попытался атаковать её FPV-дронами. Арта попросила поддержки у снайперов. Они поддержали. Вот уже месяц в этом месте никто не летает, — рассказывает собеседник RTVI.

По его словам, к задаче готовились сутки.

— Выехали, грамотно оборудовали позицию, чтобы можно было безопасно перемещаться, и стали работать там по дронам, — объяснил Ярый.

Впереди, говорит замкомандира бригады добровольцев, ещё много работы. Инструкторы «Эспаньолы» постоянно пополняют багаж знаний: база — советская школа снайперов, но также изучают и анализируют опыт американских снайперов, благо методических материалов в интернете предостаточно. Украинские снайперы, кстати, проходят обучение именно по американской программе. Ярый говорит, что на СВО с их работой пока не сталкивался, но во время донбасской кампании результаты видел. Так что недооценивать противника точно не стоит, считает он.

— Помимо этого, — добавляет Ярый, — «Эспаньола» постоянно развивается технологически и приводит свои программы подготовки к соответствию с современными реалиями.

Ярый говорит:

— Война — двигатель прогресса, и СВО подтолкнула нас в развитии: постоянно изучаем современные приборы разведки, наблюдения, объективного контроля, маскировки и прочее. Короче говоря, идём в ногу со временем на основе анализа данных, получаемых с линии боевого соприкосновения».